

На правах рукописи

ФАТХУТДИНОВА Венера Габдулхаковна

**КОМПЛЕКСНЫЕ ЕДИНИЦЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ**

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2006

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы в национальной школе государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

Научный консультант – доктор филологических наук профессор
Аминова Альмира Асхатовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Зубкова Людмила Георгиевна

доктор филологических наук профессор
Николаев Геннадий Алексеевич

доктор филологических наук профессор
Садыкова Аида Гумеровна

Ведущая организация - Институт языка, литературы и искусств
им. Г.Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан

Защита состоится «___» июня 2006 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина» по адресу 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина».

Автореферат разослан «___» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т.Ю.Виноградова

Общая характеристика работы

Комплексные единицы словообразования как системно организованные группы производных слов становятся объектом внимания отечественных дериватологов приблизительно с середины 70-х годов XX века. Как правило, их изучение неразрывно связано с вопросами систематизации производной лексики и, в частности, с проблемой словообразовательного гнезда и образующих его элементов (Е.Л.Гинзбург, Е.А.Земская, А.Д.Зверев, А.Г.Лыков, А.И.Моисеев, Р.С.Манучарян, А.Н.Тихонов, И.С.Улукханов, И.А.Ширшов и др.).

В самом общем виде под комплексными единицами словообразования понимаются различные объединения производных слов на основе корневой или формантной общности. Однако в дериватологии до сих пор отсутствует единообразное и терминологически закреплённое определение данного понятия: так, в «Русской грамматике» [1982], где систематизация производных слов осуществлялась на основе словообразовательных типов при помощи лексико-грамматического критерия, а также в словообразовательных словарях русского языка – А.Н.Тихонова [1985], Т.Ф.Ефремовой [2000], И.А.Ширшова [2004] – сам термин «комплексные единицы словообразования» не употребляется, что свидетельствует о нерешённости многих вопросов, касающихся статуса и классификации исследуемых структур. Проблема комплексных единиц словообразования как универсальных деривационных подсистем естественного языка ещё не получила своего фундаментального описания, и в лингвистической литературе отсутствуют монографические исследования, посвящённые всестороннему межъязыковому анализу данных образований. В этой связи **предметом** настоящего исследования стали комплексные единицы словообразования русского и татарского языков, выступающие в качестве особых форм систематизации производной лексики, и, в первую очередь, их наиболее очевидные разновидности: словообразовательное гнездо и его составляющие – словообразовательные пары, цепи и парадигмы.

Актуальность работы определяется необходимостью обобщения и систематизации достаточно обширного, но разрозненного и порой противоречивого лингвистического материала, касающегося вопроса идентификации комплексных единиц в системе русского словообразования. Одной из актуальных проблем сопоставительной лингвистики является вопрос о тождестве и различиях основных единиц словообразования для языков различных морфологических типов, а также о воспроизводимости и повторяемости особого типа отношений, характерных для того или иного множества однокоренных слов естественного языка.

В современной дериватологии всё большее значение приобретает описание словообразовательного потенциала тех или иных частей речи и

лексико-семантических групп. Как известно, распределение слов по частям речи осуществляется и средствами словообразования, при этом производные слова могут являться как результатом, так и источником деривации. В академических изданиях как русской [Русская грамматика 1982], так и татарской грамматики [Татарская грамматика 1993] способ представления словообразовательного материала традиционен и содержит ответ на вопрос, от каких частей речи образуется в языке, например, глагол, при этом информация о том, какие части речи могут быть образованы от самого глагола, остается вне поля зрения исследователей. Описание частей речи как результата деривации связано прежде всего с таким способом систематизации производных слов, как словообразовательный тип, в то время как изучение комплексных единиц словообразования требует «обратного» подхода – части речи как источник деривации. Однако, на наш взгляд, без полной инвентаризации словообразовательных типов и формирующих их словообразовательных значений невозможно исследование словообразующих возможностей частей речи и других классов слов. В настоящей работе при описании комплексных единиц словообразования используется именно «отчастеречный» подход, позволяющий проследить возникновение, развитие и дальнейшую динамику деривационных процессов в русском и татарском языках.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем впервые на материале типологически дистантных языков, каковыми являются русский и татарский, доказываемся универсальный, межъязыковой характер комплексных единиц словообразования, устанавливаются критерии их идентификации и выясняется роль и место данных структур в языковой системе в целом. При этом особое внимание уделяется выработке единого понятийно-терминологического аппарата и вопросам адекватного описания сопоставляемых языковых феноменов. Если для русского словообразования проблема типологии и функционирования данных единиц еще не нашла своего окончательного решения, а с возникновением и развитием новых парадигм научного знания требует дальнейшего осмысления, то в татарской лингвистике в этом направлении делаются только первые шаги, в частности, начинает создаваться информационная база для гнездового словообразовательного словаря татарского языка.

В настоящее время в сопоставительном исследовании словообразовательных систем разнотипных языков возникает необходимость привлечения данных антропоцентрической парадигмы в языкознании: этнопсихолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и теории номинации, т.е. дисциплин, апеллирующих к национальному языковому сознанию и проблемам языкового мышления. В этой связи научная новизна нашей работы заключается также в наличии нового,

интегрального подхода к изучению комплексных единиц словообразования, в соответствии с которым исследуемые структуры, и в первую очередь словообразовательные гнезда, рассматриваются в русском и татарском языках в структурно-семантическом, лексико-семантическом, ономаσιологическом и когнитивном аспектах.

Среди различных форм организации и упорядочения производных слов словообразовательное гнездо, наряду со словообразовательным типом, занимает одно из главных мест и играет важную роль в системной организации словообразовательного уровня языка. Однако в настоящем исследовании приоритетной является проблема словообразовательного гнезда в его отношении к лексической семантике, позволяющая привлечь внимание к содержательной стороне процессов деривации русского и татарского языков. Актуальность данного подхода подтверждена и лексикографической практикой (см. «Толковый словообразовательный словарь русского языка» И.А.Ширшова [2004], где словообразовательная структура производных слов представлена с одновременной фиксацией их лексических значений). Такое направление сопоставительного анализа позволяет рассматривать словообразовательные гнезда как совокупности номинативных единиц и выявлять их межъязыковую номинативную эквивалентность, которая предполагает идентификацию как понятийного содержания дериватов, так и сравнение языковых средств и способов его выражения.

Выбор лексико-семантического и ономаσιологического аспектов при установлении эквивалентности словообразовательных гнезд русского и татарского языков обусловлен тем, что словообразовательный процесс представляет собой особый акт номинации, сопоставительный анализ которого позволяет выявить сходства и различия в языковой категоризации действительности, а следовательно, и специфику языковой картины мира. Таким образом, в нашем исследовании ономаσιологический аспект тесно переплетен с семасиологическим, поэтому первостепенное значение уделяется вопросам словообразовательной и лексической семантики и проблеме их взаимодействия.

В рамках теории деривации специфика языкового мышления тесно связана с понятием внутренней формы слова, поскольку именно она зачастую является источником национально-культурной информации. Декларируемый нами подход позволяет установить, как работает механизм языкового сознания при номинации разного типа реалий, какие признаки и ассоциации кладутся в основу производных наименований в разных языках. Производное слово в данном случае выступает как носитель определенной концептуальной информации. В этой связи когнитивная интерпретация семантической структуры словообразовательного гнезда позволяет выявить идиоэтнический компонент его производных, которые для носителей языка являются коммуникативно и концептуально

значимыми. Таким образом, в исследовании впервые предпринята попытка взглянуть на словообразовательную систему русского языка с позиций татарского языкового сознания и наоборот, т.е. сквозь призму чужого языкового мышления.

В то же время не следует забывать, что основные результаты изучения словообразовательной системы русского языка были получены в рамках аналитического системно-структурного направления, поэтому в нашем исследовании системный подход к изучению комплексных единиц словообразования является в равной мере основополагающим.

Как известно, лексико-семантическое освоение действительности имеет в разных языках свои особенности, причиной которых может являться и морфологическая структура самого языка. Лингвистическая типология определяет русский язык как флективно-синтетический, а татарский как язык агглютинативно-аналитического строя. В отношении специфики морфологической структуры слова в славянских и тюркских языках в современном языкознании уже накоплен большой материал, в частности, описан механизм действия синтетических и аналитических, фузионных и агглютинативных тенденций (Н.А.Баскаков, А.Н.Кононов, Г.П.Мельников, А.В.Широкова и др.).

В сопоставительно-типологических исследованиях при описании лингвистических универсалий, как правило, привлекается фактологическая база нескольких языков, поэтому для подтверждения выявленных закономерностей в настоящей работе широко используются материалы третьего – а именно испанского языка. Испанский язык, по сравнению с французским и английским, обладает меньшей степенью аналитизма, в нем можно обнаружить отдельные черты синтеза, сближающие его в некоторой степени с русским, поэтому его можно отнести к флективно-аналитическим языкам [Широкова 2000].

Не подлежит сомнению, что ярко выраженные контрасты в деривационных структурах русского и татарского языков (специфика способов словообразования, словообразовательных моделей и инвентаря словообразовательных средств) обусловлены прежде всего их различиями в структурно-типологической организации. Однако еще в 1888 году А.А.Потебня в своем знаменитом труде «Из записок по русской грамматике» писал: «И разрушение, и рождение форм, равно как и вещественных значений, ближайшим образом зависит не от наклонностей внешних органов слова, а от известной потребности мысли» [Потебня 1958: 57]. Именно «потребности мысли», т.е. языковое сознание народа, определяют специфику средств обозначения одних и тех же денотатов в разных языках, ментальное содержание номинативных единиц и национальное своеобразие их семантической структуры.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что сопоставительное исследование комплексных единиц словообразования

способствует построению общей типологии межъязыковых соответствий на словообразовательном уровне и углубляет наши познания о языковой природе словообразовательных отношений. Анализ способов классификации производной лексики разноструктурных языков может стать источником более четких представлений о внутренней организации деривационных подсистем и словообразовательной системы в целом. Внутри- и межъязыковая инвентаризация комплексных единиц словообразования с учетом их функционирования в разноструктурных языках будет способствовать дальнейшему развитию общей теории словообразования.

Решение вопроса о степени и характере эквивалентности комплексных единиц словообразования с точки зрения их формального и семантического устройства имеет важное значение для теории и методологии сопоставительного изучения языков и вносит определенный вклад в методику межъязыкового анализа производных слов. Изучение отношений симметрии и асимметрии в деривационных подсистемах разноструктурных языков способствует выявлению инвариантности в плане выражения и расширяет наши представления о внутреннем устройстве естественного языка.

Сопоставительный анализ словообразовательных гнезд как совокупностей номинативных единиц является способом углубленного познания объектов словообразовательной детерминации с точки зрения универсальности и уникальности их семантической структуры, позволяет выявить сходства и различия в средствах объективации одного и того же мыслительного содержания, а также зависимость внутриязыковых семантических процессов от системно-структурных особенностей сравниваемых языков. Таким образом, диссертационное исследование содержит изложение целостной концепции многоаспектного сопоставительного анализа комплексных единиц словообразования, в результате которого устанавливаются факты дифференцированного означивания фрагментов объективной действительности, объясняемые, с одной стороны, очевидными структурно-типологическими различиями сопоставляемых языков, с другой – спецификой процессов языковой категоризации.

Цель диссертационного исследования заключается в установлении сходств и различий в структурно-семантической и номинативной организации комплексных единиц словообразования русского и татарского языков. Для достижения данной цели в работе ставятся и решаются следующие **задачи**:

- 1) дать полное структурно-семантическое описание комплексных единиц в системе русского и татарского словообразования, выявить критерии их идентификации, обосновать номенклатуру и типологию исследуемых единиц;

- 2) установить *tertium comparationis* и выявить оперативную единицу сопоставительного анализа деривационных подсистем разноструктурных языков;
- 3) выявить сходства и различия в направлении мотивации между компонентами словообразовательных пар русского и татарского языков;
- 4) установить структурно-семантическую эквивалентность и идентичность словообразовательных цепей русского и татарского языков, а также выявить и объяснить факты их межъязыковой асимметрии;
- 5) выявить общие и специфические словообразовательные значения в отсубстантивном, отадъективном и отглагольном словообразовании русского и татарского языков с целью установления инварианта суммарных словообразовательных парадигм каждого из языков;
- 6) выявить специфику семантической и номинативной конфигурации словообразовательных гнезд русского и татарского языков с учетом принадлежности их исходных слов к разным частям речи и к различным лексико-семантическим и тематическим группам;
- 7) установить факты дифференцированного означивания фрагментов действительности в лексическом составе соотносительных словообразовательных гнезд, выявить производные номинативные единицы с национально-специфическим характером лексической и словообразовательной семантики.

Результаты проведенного исследования позволяют **вынести на защиту** следующие **положения**:

1. Деривационная система русского языка представляет собой многомерное и неоднородное образование, в связи с чем комплексные единицы словообразования следует признать особыми формами внутрисистемной организации производных слов, в рамках которых происходит взаимная детерминация дериватов.
2. Типология комплексных единиц словообразования, релевантная для сопоставительного анализа, включает в себя словообразовательное гнездо, словообразовательную парадигму, словообразовательную цепь и словообразовательную пару: именно эти единицы дают возможность проследить деривационное развитие корневой морфемы и выявить универсальность и специфику словообразовательных процессов разносистемных языков.
3. Основанием для сравнения (*tertium comparationis*) соотносительных групп родственных слов разноструктурных языков служит семантика корневой морфемы, получающая дальнейшее развитие в составе последующих производных.
4. Оперативной единицей сопоставительного анализа деривационных подсистем является словообразовательная пара, фиксирующая сходства и различия в направлении словообразовательной мотивации русского и татарского языков.

5. Отношения кодеривации, или равнопроизводности, выступают универсальным признаком словообразовательных систем русского и татарского языков. Сопоставительный анализ конкретных и суммарных словообразовательных парадигм («отчастеречного» словообразования) позволяет выявить универсальный и специфический набор словообразовательных типов и словообразовательных значений, характерных для тех или иных частей речи русского и татарского языков.
6. Отсубстантивная, отадъективная и отглагольная деривация являются для русского и татарского языков функционально тождественными словообразовательными категориями, однако их номинативный потенциал, а также особенности формирования и функционирования в каждом из языков отличается ярко выраженным своеобразием.
7. Инвариантный набор словообразовательных значений, реализуемый в отчастеречной деривации русского и татарского языков, является проекцией на семантическую структуру отсубстантивных, отадъективных и отглагольных словообразовательных гнезд, делая возможным, таким образом, их формально-структурную и семантическую предсказуемость.
8. Понятие словообразовательной цепи как комплексной единицы словообразования является релевантным для языков различных морфологических типов. В то же время последовательная производность – это языковой феномен особого рода, существование которого обусловлено морфологической структурой языка, инвентарем его словообразовательных средств, набором словообразовательных значений и функционированием логико-семантических и грамматических категорий.
9. Структурно-семантическая асимметрия словообразовательных цепей русского и татарского языков обусловлена следующими факторами: представленностью и/или спецификой функционирования в одном из языков тех или иных морфологических категорий, разным направлением производности в словообразовательных парах и словообразовательных цепях в целом, отсутствием тех или иных словообразовательных значений или характером их лексикализации в каком-либо из языков.
10. Словообразовательное гнездо как совокупность лексических единиц является одним из важнейших макроэлементов лексико-семантической системы языка. Его интегрирующая сущность обусловлена семантической структурой входящих в него слов – глубокой взаимосвязью их лексических и словообразовательных значений, что позволяет изучать данные единицы в структурно-семантическом, лексико-семантическом, ономаσιологическом и когнитивном аспектах.

11. Специфика структурно-семантической и номинативной конфигурации соотносительных словообразовательных гнезд русского и татарского языков обусловлена следующими факторами: 1) разным количественным составом исследуемых словообразовательных гнезд; 2) специфическим набором производных, проистекающим из различий в обозначаемых ими понятиях; 3) существованием в словообразовательных гнездах исследуемых языков специфических семантических зон и смысловых подгнезд, их внутриязыковым развитием и степенью номинативной дифференциации обозначаемой смысловой области; 5) разной репрезентацией одних и тех же системных явлений: спецификой способов словообразования, производящих основ, инвентаря словообразовательных средств.
12. Ономаσιологический подход в сфере сопоставительного изучения словообразовательных гнезд позволяет установить национально-специфические стереотипы номинации, межъязыковые лексические и словообразовательные лакуны, словообразовательный потенциал лексико-семантических и тематических групп внутри каждого из языков, т.е. специфику процесса номинации как особого типа познавательной деятельности человека.
13. Факты дифференцированного означивания фрагментов объективной действительности, обнаруженные в рамках одного и того же семантического пространства, объясняются как системно-структурными характеристиками исследуемых языков, так и приоритетами в репрезентации картины мира языковым сознанием каждого народа, т.е. коммуникативными и номинационными потребностями, что позволяет признать акт словообразовательной детерминации одним из видов речемыслительной деятельности человека.
14. Когнитивная интерпретация словообразовательных гнезд разных тематических групп позволяет выявить те или иные концептуальные сферы, определяющие этнокультурную специфику русского и татарского языков и языкового сознания их носителей. Внутренняя форма производного слова в составе словообразовательного гнезда может являться средством познания ментального содержания и картины мира, представленной в конкретном языке с ее универсальными и культурно-специфическими характеристиками.

Материалом исследования послужили данные имеющихся на сегодняшний день словообразовательных, морфемных, толковых и двуязычных словарей (полный перечень лексикографических источников приводится в библиографии).

Исходные слова сопоставляемых в работе словообразовательных гнезд соответствуют определенным критериям: являются обозначениями широко распространенных и тождественных во многих языках понятий,

т.е. представляют собой семантические универсалии; принадлежат к ядерной лексике тех или иных лексико-семантических групп; могут входить в синонимические или антонимические отношения с другими словами. Так, например, в исследовании анализируются антонимические гнезда «день / ночь», «утро / вечер»; «весна / осень», «зима / лето», «белый / черный», «хороший / плохой», свидетельствующие о деривационном развитии противоположных понятий в сопоставляемых языках. В качестве соотносительных (условно эквивалентных) единиц в другом языке привлекаются синонимические словообразовательные гнезда, например, татарскими эквивалентами русского исходного слова *поле* являются две синонимичные лексемы - *кыр* и *басу*, или, напротив, русским словам *конь*, *лошадь* в татарском языке соответствует только одна лексема *ат*. Данный подход в отборе языкового материала определяется задачами исследования и имеет своим следствием выявление закономерностей, касающихся строения и функционирования как словообразовательной, так лексико-семантической системы языка. При определении лексического состава гнезда синхронный характер исследования предполагает учет исключительно тех лексем, которые обладают прозрачной словообразовательной структурой и сохраняют живую семантическую связь со своими производящими, т.е. единицы, принадлежность которых к гнезду не вызывает сомнений. В целом сопоставительному анализу были подвергнуты более 7000 словообразовательных единиц в русском и более 6000 в татарском.

Теоретической и методологической базой исследования явились достижения современной лингвистики в области изучения производных единиц языка, словообразовательной семантики, основных элементов словообразовательной системы и параметров ее описания (А.А.Аминова, Э.А.Балалыкина, Ф.А.Ганиев, Е.А.Земская, В.В.Лопатин, В.М.Марков, И.Г.Милославский, А.И.Моисеев, В.М.Немченко, Г.А.Николаев, А.Н.Тихонов, И.С.Улукханов, И.Г.Черепанов, И.А.Ширшов и др.), специфики словообразовательно-номинационных процессов (Т.И.Вендина, Е.С.Кубрякова, В.М.Никитевич, М.Н.Янценецкая); определенные результаты в решении актуальных проблем сопоставительной дериватологии (В.Ф.Васильева, З.З.Гатиатуллина, М.Докулил, Р.С.Манучарян, Г.П.Нещипенко, И.Онхайзер, А.Г.Садыкова, З.А.Харитончик и др.). В работе нашли отражение традиции Казанской лингвистической школы, по словам основоположника которой И.А.Бодуэна де Куртенэ, сравнению подлежат как родственные, так и неродственные языки вне зависимости от исторических связей между ними [Бодуэн де Куртенэ 1963].

При анализе языкового материала в качестве основного был избран сопоставительно-типологический **метод** в его системно-функциональной реализации. Использование метода системно-функционального сопоставления языков безотносительно к их генетической и типологической принадлежности позволяет осуществлять отбор не случайных,

произвольно выбранных признаков, а релевантных закономерностей системы, в связи с чем открываются «широкие возможности для углубленного познания внутриязыковых явлений и межъязыковых связей, для дальнейшей эволюции сравнительно-типологического изучения языков» [Нещименко 1983]. В работе широко применяется перспективный словообразовательный анализ, с помощью которого выявляется словообразовательная структура производных слов и формальные связи внутри словообразовательных пар, парадигм, цепей и гнезд. При определении семантической структуры комплексных единиц словообразования и логико-семантической структуры производного слова используется метод компонентного и функционально-семантического анализа, который проводится как на лексическом, так и словообразовательном уровнях. В качестве одного из инструментов сопоставительного анализа используется когнитивный подход, позволяющий понять, «почему окружающая человека действительность осмыслена именно так, а не иначе» [Кубрякова 2004].

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использовать его результаты в лексикографической практике, и в первую очередь, при составлении столь необходимого в настоящий момент гнездового словообразовательного словаря татарского языка, а также двуязычных словообразовательных словарей разного типа. Материалы исследования могут быть использованы в вузовских лекционных курсах по сопоставительному словообразованию и сопоставительной морфологии русского и татарского языков, в спецкурсах, касающихся основных проблем сопоставительного и контрастивного изучения иносистемных языков. Кроме того, полученные результаты могут широко применяться в практике преподавания русского языка в иноязычной аудитории. Использование комплексных единиц словообразования на уроках русского языка в национальной школе способствует практическому усвоению теоретических сведений из области русской грамматики, расширению лингвистической компетенции учащихся и увеличению их словарного запаса.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в докладах на 30 международных, всероссийских, межвузовских и региональных конференциях, в том числе: «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 2001, 2004); «Бодуэновские чтения» (Казань, 2001, 2003); «Русский язык как иностранный: специфика изучения, теория и практика преподавания в России и за рубежом» (Москва, МГУ, 2001); «Język a rzeczywistość. Rusycystyczne studia konfrontatywne» (Польша, Сосновец, Силезский университет, 2001); «Русский язык: уровни и аспекты изучения: Восьмые международные Виноградовские чтения» (Москва, МГПУ, 2002); «Сопоставительная филология и полилингвизм» (Казань, 2002, 2005); «Русская и сопоставительная филология» (Казань, 2002, 2004);

«Traductología y lingüística aplicada: YI Jornadas hispano-rusas de traducción e interpretación» (Испания, Гранада, Гранадский университет, 2002); «España y el mundo eslavo: relaciones culturales, literarias y lingüísticas. Universidad Complutense de Madrid» (Испания, Мадрид, 2002); «Русское слово в мировой культуре», X Конгресс МАПРЯЛ (Санкт-Петербург, 2003); «111 Jornadas Andaluzas de Eslavística» (Испания, Гранада, Гранадский университет, 2004); «Język rosyjski w konfrontacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym» (Польша, Сосновец, Силезский университет, 2003); «Русский язык как иностранный и методика его преподавания. XX1 век» (Москва, МПГУ, 2005); «V Степановские чтения. Язык в современном мире» (Москва, РУДН, 2005) и др.

Работа обсуждалась на кафедре русского языка и литературы в национальной школе Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Теоретические изыскания в области комплексных единиц словообразования в русском и татарском языках, результаты которых отражены в реферируемой диссертации, проводились как составная часть грантового проекта в рамках Федеральной целевой научно-технической программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники на 2002-2006 г.г. (РИ – 16.0/16, гос.контракт № 02.438.11.7015).

Материалы диссертации используются в учебных курсах по сопоставительной грамматике русского и татарского языков, а также получили внедрение в спецкурсе «Основные проблемы и методология сопоставительных исследований разносистемных языков» (для студентов, обучающихся по специальности «Русский язык и литература в межнациональном общении»).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и списка использованной литературы.

Содержание работы

Во **введении** дается общее представление о проведенном исследовании, обосновывается актуальность и научная новизна поставленных в диссертации проблем, формулируются теоретические положения, выносимые на защиту, цель и задачи исследования, уточняется терминологический аппарат исследования.

Глава 1. «Комплексные единицы словообразования как объект сопоставительного исследования» посвящена анализу научных источников и литературы по проблемам исследования с целью описания комплексных единиц в словообразовательной системе языка и доказательства их релевантности для языков разной типологической принадлежности. Различия в инвентаре деривационных средств, наборе словообразовательных значений и самих способах словообразования,

обусловленные морфологической структурой русского и татарского языков, требуют конкретизировать предмет сопоставительного анализа, его оптимальные модели и их соотношение с основными единицами словообразовательной системы.

В первом параграфе исследуется проблема основной единицы словообразования в кругу других единиц и подсистем этого уровня языка, поскольку именно она должна служить точкой отсчета в межъязыковых сопоставительных исследованиях словообразовательных структур разного типа. Здесь поставлена задача выявления таких единиц словообразовательной системы, которые могли бы быть релевантными и для сопоставительного исследования процессов деривации неродственных языков. В современной лингвистической литературе вопрос об основной единице словообразовательной системы до сих пор остается дискуссионным, причем учеными порой высказываются диаметрально противоположные точки зрения.

Как известно, основные языковые единицы – фонема, морфема, слово и предложение – образуют соответствующие уровни языковой структуры. И по логике вещей основной единицей словообразовательного уровня традиционно принято считать морфему. Краткий обзор существующих точек зрения на проблему основных единиц словообразования свидетельствует об отсутствии единого мнения по этому вопросу, неоднозначности его трактовки и сложности решения: морфема (И.Г. Милославский, Л.В. Сахарный и др.), производное слово (Е.С. Кубрякова) и словообразовательный тип (А.Н. Тихонов, И.С. Улуханов) в равной степени могут быть признаны основными единицами словообразовательной системы. В данном случае суть проблемы состоит в том, что в дериватологии отсутствует строгая дифференциация между двумя разными понятиями: основной единицей классификации и основной элементарной единицей словообразовательной системы.

Во втором параграфе дается общая характеристика комплексным единицам словообразования и рассматриваются проблемы их типологии. Проблемы идентификации и номенклатуры комплексных единиц словообразования, их онтологических и классификационных свойств неоднократно обсуждались во время научных конференций «Актуальные проблемы русского словообразования» [1976], [1978], [1980], [1982], [1985], [1987], [1991], тем не менее вопрос о том, какие именно единицы следует считать комплексными и каковы критерии их выделения, до сих пор остается дискуссионным.

Номенклатура комплексных единиц словообразования, по мнению ученых, включает в себя словообразовательную пару, т.е. два однокоренных слова, находящихся в отношении словообразовательной мотивации (А.Н. Тихонов); словообразовательную цепь – ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной

мотивированности (И.С. Улуханов); словообразовательную парадигму – совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной и той же ступени словопроизводства (Е.А. Земская); словообразовательное гнездо – упорядоченную отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня (А.Н. Тихонов); словообразовательный тип, под которым понимается схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц (И.С. Улуханов); словообразовательную категорию, представляющую собой совокупность словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств его выражения (Е.А. Земская); словообразовательный ряд – конечное множество словообразовательных структур, характеризующихся тождеством последнего деривационного шага (П.А. Соболева, А.Н. Тихонов); словообразовательную ветвь, образуемую цепочками, имеющими в своем составе члены одной парадигмы (В.Г. Головин); словообразовательный набор, под которым понимается комбинация словообразовательных парадигм и цепочек (И.А. Цыбова).

С увеличением числа комплексных единиц словообразования критерии их идентификации становятся более размытыми и возникает проблема с обоснованием роли и места данных структур в словообразовательной системе в целом. Внести ясность в проблему комплексных единиц словообразования, по мнению автора, поможет интерпретация словообразовательной системы языка как неконечного множества организующих ее подсистем.

С нашей точки зрения, две подсистемы словообразования образуют два разных типа словообразовательных единиц: с одной стороны, это реальные языковые единицы и их совокупности, представляющие собой объективно существующие языковые факты; с другой – единицы метаязыковые, результат абстрагирующей деятельности нашего сознания. Последние также являют собой совокупности производных слов, но характер этих объединений уже иной, он носит чисто классифицирующий характер. К первым относятся единицы, принимающие участие в образовании новых слов, – это производящие основы и аффиксы. Каждое производное слово, входящее в словообразовательное гнездо, обладает уникальным лексическим значением, из чего следует, что все комплексные единицы такого рода также уникальны и неповторимы не только в силу лексической семантики исходного слова, но и в силу индивидуального набора производных: ни одно словообразовательное гнездо в русском языке не повторяет другого ни в семантическом, ни в структурном отношении. Поэтому есть все основания констатировать, что комплексные единицы словообразования первого типа носят конкретно-фактологический характер и могут быть в известной степени соотнесены с субстанциональными языковыми единицами. В то же время нельзя

отрицать и классификационный характер данных образований: для словообразовательного гнезда системность связывается с возможностью выделения его структурообразующих элементов. Следует отметить, что у словообразовательного типа этот принцип отсутствует, поскольку входящие в него словообразовательные пары независимы друг от друга и характеризуются относительной равнозначностью.

Вторую подсистему словообразования образуют метаязыковые единицы: словообразовательный тип (способ словообразования, словообразовательная модель) и словообразовательная категория. Словообразовательный тип нельзя назвать простой совокупностью производных слов, он является прежде всего единицей классификации, неким обобщением групп производных на основе способа словообразования, форманта и деривационного значения. В нем общее словообразовательное значение превалирует над лексическими значениями дериватов, поскольку оно вычленяется на основе анализа однотипных словообразовательных пар. То же самое можно сказать и о словообразовательной категории, отличающейся от словообразовательного типа более высокой степенью отвлеченности. Две подсистемы словообразования образуют разные по своим онтологическим свойствам комплексные единицы, каждая из которых позволяет наиболее полно охарактеризовать специфику языковых отношений внутри системы, а также способы объединения и классификации производных слов.

При сопоставительном исследовании разносистемных языков наиболее актуальным нам представляется анализ комплексных единиц словообразования первого типа, то есть совокупностей производных слов на основе корневой общности, а именно словообразовательного гнезда и образующих его элементов – словообразовательных пар, парадигм и цепочек. Их комплексный характер определяется, с одной стороны, четкой внутрисистемной организацией, с другой – наличием достаточно широких внешних связей (парадигматических и синтагматических отношений) с другими единицами и структурами.

В третьем параграфе представлена интерпретация словообразовательной пары как оперативной единицы сопоставительного исследования деривационных подсистем. Словообразовательная пара, будучи реальной языковой единицей, в составе более крупных словообразовательных структур – цепи, парадигмы и гнезда – оказывается вовлеченной в синтагматические, парадигматические и иерархические отношения, что подтверждает ее статус элементарной классификационной единицы. Такой синкретизм делает словообразовательную пару универсальной элементарной единицей при описании различных деривационных подсистем.

Для сопоставительного словообразования особую актуальность приобретает понятие направления словообразовательной мотивации,

устанавливаемое на основании семантических и формальных свойств слов, связанных этими отношениями. Сопоставительный анализ словообразовательных пар русского и татарского языков позволил установить три основных типа соответствий, свидетельствующих о сходстве и различиях деривационных процессов.

Первую группу соответствий образуют словообразовательные пары русского и татарского языков, направление производности у которых совпадает: *песок* → *песочный*; *ком* → *комлы*; *время* → *своевременный*; *вакыт* → *һззакытлы*; *писать* → *писатель*; *язу* → *язуче*. Подобное совпадение словообразовательной мотивации свидетельствует об аналогии в процессах деривации разных языков.

Во вторую группу соответствий входят русские словообразовательные пары, татарские эквиваленты которых состоят в отношениях обратной производности: *зной* → *знойный*; *эсселек* ← *эссе*; *свобода* → *свободный*; *азатлык* ← *азат*; *лень* → *ленивый*; *ялкаулык* ← *ялкау*. В данном случае семантически эквивалентные словообразовательные пары характеризуются асимметричной формальной деривацией, т.е. разным направлением словообразовательного процесса.

Третью группу соответствий составляют такие словообразовательные пары, лексические эквиваленты которых в другом языке не вступают между собой в деривационные отношения. В этом случае для русского языка при образовании нового слова предпочтительным является использование мотивировочного признака, выраженного в производящей основе, в татарском же аналогичный процесс номинации осуществляется за счет других языковых средств: *ночь* (тльн) → *ночевать* (куну); *гонять* (куу) → *обгонять* (узу); *крест* (тһре) → *крестить* (чукундыру). Таким образом, только установив структурно-семантическую эквивалентность коррелятивных словообразовательных пар двух языков, есть все основания перейти к более широким обобщениям о межъязыковом соответствии или несоответствии комплексных единиц словообразовательной системы.

В четвертом параграфе обосновываются принципы сопоставимости комплексных единиц словообразования русского и татарского языков и выявляется их «*tertium comparationis*». В исследовании доказана лингвистическая релевантность и функциональная эквивалентность комплексных единиц словообразования русского и татарского языков. Корректность сопоставительного анализа подтверждается одним и тем же объектом исследования, в роли которого выступают однокоренные слова двух языков; единым понятийно-терминологическим аппаратом; системным характером словообразовательных гнезд обоих языков; наличием эквивалентных с точки зрения структуры и семантики комплексных единиц словообразования. Приведенные в этом разделе факты симметрии в области структурных компонентов словообразовательного гнезда — словообразовательных пар, цепочек и парадигм —

позволяют утверждать, что и для русского, и для татарского языка словообразовательное гнездо – это прежде всего универсальное системно организованное единство, для описания которого используются идентичные параметры.

Основанием для сравнения, исходной точкой сопоставительного анализа словообразовательных систем иноструктурных языков, с нашей точки зрения, может служить семантика корня, преобразование которой обнаруживается в составе производных слов, входящих в словообразовательное гнездо. Такое направление исследования представляется наиболее перспективным, поскольку, с одной стороны, связано с фактом системности словообразования, с другой - имеет отношение к организации семантического пространства каждого из языков. Учитывая, что в татарской лексикографии отсутствует как морфемный, так и гнездовой словообразовательный словарь, нами разработана специальная методика двунаправленного сопоставительного анализа комплексных единиц словообразования, в соответствии с которой взаимному наложению и сравнению данных образований предшествует систематизация татарских производных на основе той же самой корневой общности. Выявленные таким образом дериваты затем структурируются в условно эквивалентные словообразовательные гнезда, цепи и парадигмы.

Факты структурно-семантического соответствия исследуемых единиц свидетельствует об их лингвистической релевантности с точки зрения сопоставительного анализа. Общность в репрезентации системных явлений позволяет констатировать сопоставимость словообразовательных гнезд и других комплексных единиц словообразования, несмотря на различную типологическую принадлежность сравниваемых языков.

Глава 2. «Словообразовательная парадигма в русском и татарском языках» посвящена сопоставительному исследованию парадигматических отношений в системе словообразования. Понятие словообразовательной парадигмы получило распространение благодаря исследованиям Е.А.Земской, Р.С.Манучаряна, А.Н.Тихонова, Л.П.Клобуковой, А.Г.Лыко-ва, Е.В.Красильниковой и др.

В первом параграфе выявляются сущностные свойства словообразовательной парадигмы, определяется специфика отношений кодеривации (равнопроизводности), а также анализируется общая типология словообразовательных парадигм, включающая в себя следующие разновидности: конкретную, типовую и суммарную. Последний тип, по мнению автора, следует рассматривать как самостоятельную единицу классификации, а не как отвлеченный вариант типовой парадигмы. Каждый тип словообразовательной парадигмы имеет собственный набор релевантных признаков, который в зависимости от степени абстрактности данной единицы может быть больше или меньше. Для конкретной словообразовательной парадигмы это часть речи базового слова, его

принадлежность к той или иной лексико-семантической группе, семантическая структура и сочетаемость, нейтральность или стилистическая маркированность; для суммарной словообразовательной парадигмы главным релевантным признаком является лексико-грамматический характер производящего.

Как единица сопоставительного описания разноструктурных языков словообразовательная парадигма предоставляет широкие возможности для исследователя. Объектом сопоставительного анализа может стать любой тип словообразовательной парадигмы, хотя подходы к их изучению должны быть различными. В этом случае следует учитывать неодинаковую словообразовательную активность тех или иных лексико-семантических групп, а также степень продуктивности производящих слов разных ступеней деривации. Сравнение словообразовательных парадигм разных частей речи и семантических групп двух языков позволяет выявить сходства и различия в словопорождающих способностях определенных классов лексических единиц. В результате исследования выявляется специфический набор деривационных значений и «семантических мест» (Е.А.Земская), формирующих состав той или иной словообразовательной парадигмы. Однако такому роду исследований должно предшествовать подробное описание словообразовательного потенциала всех частей речи в каждом из языков с полной инвентаризацией словообразовательных средств и значений. В данном случае речь идет о суммарной словообразовательной парадигме, которая строится на признаке регулярной реализации словообразовательных значений в конкретных словообразовательных типах, различающихся по степени продуктивности и регулярности. Каждое из этих значений в зависимости от семантики и морфонологических особенностей производящей базы потенциально реализуется в типовых и конкретных словообразовательных парадигмах, а следовательно, в тех или иных словообразовательных гнездах.

Основной чертой словообразовательной парадигмы является семантическая предсказуемость составляющих ее дериватов, поэтому, исследуя деривационный потенциал отдельных частей речи разных языков, мы можем выявить сходства и различия в функционировании их словообразовательных категорий, объединяемых на основе семантической общности производящих единиц.

В настоящее время как в русистике, так и в татарском языкознании фактически отсутствует систематическое описание класса производящих слов на уровне частеречного обобщения. Проблема частей речи как производящих баз рассматривается прежде всего в русле семантических вопросов словообразования (см. работы Р.С. Манучаряна [1981], А.И. Моисеева [1987], М.Н. Янценецкой [1985, 1991], И.Г. Улуханова [1979]), однако еще не нашла своего окончательного решения.

В последующих параграфах данной главы, посвященных исследованию отсубстантивной, отадекативной и отглагольной деривации, определяются основные сходства и различия между русским и татарским языками в аспекте «части речи как база для словообразования». В частности, выявляются общие и специфические словообразовательные значения и средства их выражения, формирующие инвариант суммарной словообразовательной парадигмы для каждого из языков, при этом особое внимание уделяется эквивалентности словообразовательных структур производных слов.

В русском и татарском языках три основные части речи - имя существительное, имя прилагательное и глагол – выступают производящими базами для субстантивного, адекативного и глагольного словообразования. От субстантивных основ в русском и татарском языках при помощи суффиксов образуются существительные со значением лица, носителя предметного признака: *камень – каменщик: таи – таичы, сапог – сапожник: итек – итекче*. Однако сходство в способах словообразования отнюдь не является гарантом эквивалентности словообразовательных структур в целом, поскольку в русском и татарском языках при образовании соответствующих номинаций могут быть выбраны разные мотивирующие базы, например: *земляк (от земля) – яктаи (от як – сторона)*.

В обоих языках от имен существительных образуются дериваты с предметно-собирательным значением: *ель – ельник: чырышы – чырышылык; береза – березняк: каен – каенлык*; для татарского языка данный словообразовательный тип является более регулярным: *агачлык (от агач – дерево) – место, где растут деревья, перелесок; таишлык (от таиш – камень) – каменистая местность; сазлык (от саз – болото) – болотистая местность; комлык (от ком – песок) – место, где много песка*. Следует отметить, что сопоставительный анализ на уровне словообразовательных типов позволяет внести коррективы в их типологию внутри одного языка и уточнить классификационные возможности данных единиц сквозь призму языкового сравнения.

В области предметной номинации характерными для русского языка являются названия сосудов, вместилищ, помещений, мяса животных; с точки зрения татарского языка они представляют собой специфический класс имен, для передачи значений которых используются сочетания слов: *хлеб (икмѣк) – хлебниц-а (икмѣк тѣлинкѣсе, букв.: тарелка для хлеба); корова (сыер) – коровник (сыер абзары, букв.: хлев, стойло для коров); баран (сарык) – баранина (сарык ите, букв.: мясо барана)*. Для татарского языка производными словами, определяющими своеобразие его семантики, являются названия материалов, предназначенных для трудовой деятельности человека: *чалбарлык (от чалбар – брюки) – ткань для пошива*

брюк; *идһнлек* (от *идһн* – пол) – половые доски; *тһышһмлек* (от *тһышһм* – потолок) – материал для потолка.

В татарском языке от субстантивных основ широко образуются отвлеченные существительные: *каракчылык* (от *карак* – вор) – воровство (в рус. от *воровать*); *дһһлһтчелек* (от *дһһлһт* – государство) – государственность (в рус. от *государственный*). Среди них выделяется словообразовательный тип со значением «свойства характера человека», мотивирующими основами которого выступают наименования животных. Наряду с существительным *дуһгызлык* (свинство), словообразовательная структура и значение которого в обоих языках совпадает, в татарском имеется ряд специфических производных: *бозаулык* (от *бозау* – теленок) – мягкотелость (ср. рус. «не мычит, не телится»); *һтһчлек* (от *һтһч* – петух) – драчливость (ср. рус. *петушиться*); *этлек* (от *эт* – собака) – подвох, подлость, свинство (ср. рус. *собачиться*, *лаяться* в значении ‘ругаться, ссориться’).

Различия между русским и татарским языками в области отсубстантивного словообразования касаются также модификационного типа значения: характерные для русского языка словообразовательные значения женскости, незрелости, собирательности, единичности и субъективной оценки в татарском языке отсутствуют или выражаются крайне нерегулярно: *соседка* (курше хатын); *волчонок* (бһре баласы); *горошина* (борчак бһртеге); *носик* (кечкенһ борын); *ножища* (бик зур аяк).

Универсальным для русского и татарского языков является образование от субстантивных основ относительных прилагательных: *недельный* – *атналык*; *радостный* – *шатлыклы*; *весенний* – *язгы*; *волосатый* – *йонлач*; *глинистый* – *балчыксыл*, вместе с тем производные адъективы с притяжательным значением наличествуют только в русском языке: *отцова шапка* (һтинеһ бһреге, бһрек этинеке); *бабушкины очки* (һбинеһ кһзлеге, кһзлек һбинеке). Некоторые относительные прилагательные татарского языка характеризуются специфической внутренней формой: *телсез* (от *тел* – язык) – немой, букв.: без языка; *кһлгер* (от *кһл* – ветер) – быстрый; *тһпкел* (от *тһп* – корень) – глубокий; *йһрһкле* (от *йһрһк* – сердце) – храбрый, смелый, решительный (ср. в рус. *сердечный* – ‘добрый, чуткий, отзывчивый’); *йһрһксез* – боязливый, трусливый, малодушный, нерешительный (ср. в рус. *бессердечный* – ‘бездушный, лишенный чуткости’).

Отсубстантивное глаголообразование характерно как для русского, так и татарского языков, однако словообразовательные типы таких глаголов и их внутренняя форма представлены в обоих языках достаточно специфично: *коса* (чалгы) – *косить* (чабу); *пила* (пычкы) – *пилить* (кисү); *чыбык* (прут) – *чыбыклау* (хлестать); *тһймһ* (пуговица) – *тһймһлһһ* (застегивать); *камень* (таш) – *каменеть* (ташка һйлһһ; хһрһкһтсез калу, букв.: превратиться в камень, не двигаться); *яшен* (молния) – *яшенлһһ*

(сверкать – о молнии). В сфере отсубстантивной адвербиальной деривации основные различия касаются способов словообразования: *половина* (ярты) – *наполовину* (яртылаш); *къч* (сила) – *къчкӧ* (насилу).

Отадъективная деривация татарского языка, по сравнению с русским, характеризуется меньшей продуктивностью и регулярностью. Различия между языками в данном случае обусловлены разной интенсивностью деривационных процессов, а также отсутствием регулярности в выражении соотносительной словообразовательной семантики в одном из языков. Для русского языка характерными являются существительные с предметно-характеризующими значениями: названия лиц, носителей непроцессуального признака (*мудрый* – *мудрец*), названия территорий (*пустой* – *пустыня*), растений (*голубой* – *голубика*), животных (*каурый* – *каурка*) и других объектов материального мира (*теплый* – *теплица*). Отадъективные существительные в русском языке также используются при наименовании собирательных понятий: *старый* – *старье*, *молодой* – *молодняк*, *сухой* – *сушняк*. В татарском языке перечисленные словообразовательные значения не находят столь последовательного выражения и дериватов такого типа немного: *кызыл* (красный) – *кызылча* (краснуха); *сул* (левый) – *сулагай* (левша); *тиӊ* (равный, подобный) – *тиӊдӱш* (сверстник), *кара* (черный) – *каракилӟк* (черника, букв.: черная ягода).

Явление транспозиции, наблюдаемое в отадъективном словообразовании, в одинаковой мере присуще как русскому, так и татарскому языку: и в том и в другом от прилагательных широко образуются синтаксические дериваты – имена существительные с отвлеченным значением: *сукур* (слепой) – *сукурлык* (слепота); *каты* (твердый) – *катылык* (твердость); *арзан* (дешевый) – *арзанчылык* (дешевизна); *ерак* (дальний) – *ераклык* (дальность).

В русском языке широко распространены отадъективные прилагательные с градационным типом значения, выражающие различную степень проявления признака (*грубый* – *грубоватый*), с субъективно-оценочным значением (*бледный* – *бледненький*) и стилистической модификацией (*простой* – *простецкий*). Для татарского языка в этой области характерен только один тип производных прилагательных – со значением слабого проявления признака: *салкын* (холодный) – *салкынча* (холодноватый); *ак* (белый) – *аксыл* (беловатый); *озын* (длинный) – *озынча* (длинноватый). Универсальной словообразовательной категорией для русского и татарского языков является продуктивное и регулярное образование инхоативных и каузативных глаголов: *саӊгырау* (глухой) – *саӊгыраулану* (глохнуть); *яшел* (зеленый) – *яшеллӱндерӱ*, *яшеллӱтӱ* (озеленять); *гади* (простой) – *гадилӱштерӱ* (упростить).

Имена прилагательные в обоих языках выступают в качестве базы адвербиального словообразования. Среди словообразовательных значений

русских наречий можно выделить следующие: транспозиционное (*быстрый* – *быстро*, *холодный* – *холодно*); значение предельности (*поздний* – *допоздна*, *глухой* – *наглухо*); направленности (*левый* – *влево*, *правый* – *направо*). Характерным для татарского языка является образование сложных (парных) наречий: *вакытлы* – *вакытсыз* (не вовремя); *урынлы* – *урынсыз* (невыпадет); довольно продуктивным способом образования наречий в татарском языке является адвербиализация прилагательных: *якты* (светлый) – *якты* (светло); *акрын* (медленный) – *акрын* (медленно).

Наиболее специфической областью деривации для обоих языков является внутриглагольное словообразование. Ярко выраженные различия в данном случае обусловлены способами словообразования и инвентарем его деривационных средств: наличие глагольных префиксов в русском языке и их отсутствие в татарском является основной причиной расхождений в способах модификации глагольного действия, его пространственных, количественных, временных, результативных и других характеристик. Внутриглагольное словообразование русского языка характеризуется глубокой взаимосвязью лексической, словообразовательной и грамматической семантики, в результате чего те или иные глагольные формы (видовые, залоговые, а также формы причастий) принимают участие в деривационном процессе, образуя самостоятельное звено в словообразовательной цепи: *считать* → *пересчитать* → *пересчитывать* → *пересчитывание*; *продать* → *распродать* → *распродавать* → *распродаваться*. В то время как в русском языке видовые значения глагола в основном выражаются при помощи морфологических средств в регулярно выстраиваемых корреляциях, в татарском языке специальные деривационные средства для выражения аспектуальной семантики отсутствуют.

Функционально-семантическая категория залога для обоих языков представляет собой специфическую область деривационно-грамматической семантики, выражаемой в русском языке бинарным (оппозитивным) противопоставлением форм действительного и страдательного залогов, а в татарском языке пятью рядами форм основного, страдательного, возвратного, взаимно-совместного и понудительного залогов, т.е. неопозитивным многочленным соотношением. Специфическим отличием татарского языка является функционирование в нем форм взаимно-совместного и понудительного залогов, не имеющих формальных аналогов в русском языке: *йьрнъ* (ходить) – *йьрешнъ* (ходить друг к другу); *ачу* (открыть) – *ачтыру* (заставить открыть).

В отглагольном субстантивном словообразовании для обоих языков установлены общие, универсальные словообразовательные значения: это существительные со значением лица, носителя процессуального признака

аксау (хромать) – *аксак* (хромец); *лыгырдау* (болтать) – *лыгырдык* (болтун), производные со значением неличных, неодушевленных предметов: *йъзь* (плавать) – *йъзгеч* (плавник); *кълыту* (нагревать) – *кълыткыч* (нагреватель); *кыру* (тереть) – *кыргыч* (терка), а также синтаксические дериваты - отвлеченные имена действия: *ходить* (йльрн) – *ходьба* (йльреш); *терпеть* (тъзь) - *терпение* (тъземлек).

Среди отглагольных татарских существительных выделяются производные, внутренняя форма которых с точки зрения русского языка содержит характерный мотивировочный признак: *сыза* (межа), *сызым* (чертеж), *сызык* (линия) от *сызу* (проводить линию); *ярык* (щель) от *яру* (колоть, раскалывать); *кушымча* (аффикс), *кушылдык* (приток) от *кушу* (соединять, прибавлять); *тузан* (пыль) от *тузу* (изнашиваться); *тигънък* (репейник) от *тию* (трогать, касаться); *кърък* (лопата) от *кърънъ* (копать); *кадак* (гвоздь) от *кадау* (колоть, втыкать, вбивать, вонзить) и многие другие.

В русском и татарском языках глагольные основы широко используются при образовании прилагательных, причастий и наречий, однако лексикализация той или иной словообразовательной семантики может быть представлена достаточно своеобразно.

Выявленный в русском и татарском языках словообразовательный потенциал имени существительного, прилагательного и глагола позволяет представить гипотетически возможный с точки зрения деривационной семантики состав производных соответствующих (отсубстантивных, отадъективных и отглагольных) словообразовательных гнезд и других комплексных единиц.

Глава 3. «Словообразовательная цепь в русском и татарском языках» представляет собой сопоставительный анализ отношений последовательной производности соотносительных однокоренных слов русского и татарского языков.

Первый параграф посвящен общей характеристике словообразовательной цепи как одного из способов объединения производных слов на основе корневой общности и ее отличиям от других комплексных единиц словообразования. Словообразовательные цепи, наряду со словообразовательными парадигмами, выступают важными структурными компонентами словообразовательного гнезда, определяющими его мощность и глубину. Специфика ее структурно-семантической организации определяется следующими признаками: последовательным характером входящих в нее единиц, т.е. выводимостью каждого последующего слова из предшествующего; линейным (синтагматическим) характером отношений между ее звеньями; четко очерченными границами словообразовательной цепи, а именно наличием исходного и конечного слов; формальным и семантическим усложнением ее членов.

Среди проблем, связанных с исследованием словообразовательных цепей, особое место занимает проблема их типологии. Для словообразовательных цепей характерны различные объединения на основе их структуры и семантики, поэтому классификация словообразовательных цепей базируется на разных принципах и основаниях [Ширшов 1999]. Типология словообразовательных цепей строится с учетом их воспроизводимости и повторяемости как в плане содержания, так и в плане выражения. Она способствует выявлению словообразовательных связей лексических единиц и является свидетельством регулярности синтагматических отношений в сфере комплексных единиц словообразования.

Особое внимание в работе уделено феномену последовательной производности слов, который рассматривается в качестве универсального свойства словообразовательной системы естественного языка. В этой связи основной задачей второго параграфа является описание эквивалентных словообразовательных цепей русского и татарского языков и их основных структурно-семантических свойств, при этом основное внимание уделяется факторам, свидетельствующим о релевантности данного языкового явления для языков различной типологической принадлежности.

Сопоставительное изучение словообразовательных цепей типологически различных языков должно проводиться, по мнению автора, в рамках системно-структурного направления, для которого в первую очередь важен факт формального и семантического развертывания данных единиц. Объектом сравнительного анализа могут стать как конкретные, так и типовые словообразовательные цепи.

В зависимости от частеречной принадлежности исходного слова в русском и татарском языках в работе установлены структурно-семантические соответствия отсубстантивных, отглагольных, отадъективных и других словообразовательных цепей. Исходным словом цепи могут выступать следующие части речи: имя существительное: *сила* → *бессильный* → *бессилие*, *көч* → *көчсез* → *көчсезлек*; *вред* → *вредный* → *вредность*, *зарар* → *зарарлы* → *зарарлык*; имя прилагательное: *спокойный* → *неспокойный* → *непокойность*, *тыныч* → *тынычсыз* → *тынычсызлык*; *крепкий* → *крепить* → *крепеж*, *нык* → *ныгыту* → *ныгыткыч*; глагол: *писать* → *писатель* → *писательство*, *язу* → *язучы* → *язучылык*; *зреть* → *недозреть* → *недозрелый* → *недозрелость*, *ългеръ* → *ългермъ* → *ългермъгън* → *ългермъгънлек*; местоимение: *ваи* → *по-вашему*, *сезнең* → *сезнңә*; числительное: *пять* → *вятером*, *биш* → *бишънълън*; наречие: *вчера* → *вчерашний* → *вчерашнее* (сущ.), *кичъ* → *кичъге* → *кичъге* (сущ.); междометия и звукоподражательные слова: *ох* → *охать* → *охнуть*, *ух* → *ухылдау* → *ухылдан алу*.

Чаще всего структурно-семантическими эквивалентами являются бинарные цепи, состоящие из двух компонентов – исходного и производного слова: *скупой* → *скупость*, *саран* → *саранлык*; *яма* → *ямка*, *чокыр* → *чокырчык*, однако, на наш взгляд, понятие бинарной словообразовательной цепи отнюдь не отражает сути самого явления, поскольку, соответствуя по своей структуре словообразовательной паре, данные единицы просто подтверждают наличие или отсутствие словообразовательного процесса, следовательно, их сравнительный анализ не дает нам полного представления о словообразовательной цепи как универсальном элементе словообразовательной системы. Что касается полинарных цепей, состоящих из трех и более слов, то степень их эквивалентности в русском и татарском языках уменьшается в зависимости от увеличения количества звеньев: *сор* → *сорить* → *насорить*, *чъп* → *чъплънъ* → *чъплън бетеръ*; но: *хороший* → *хорошо* → *хорошенько* → *хорошенечко*, *яхшы* – *яхшы (2)* → *яхшылап* → (–).

Полинарные цепи в русском языке могут включать в себя до семи звеньев. Для татарского языка такие образования не характерны, и уже наличие шести звеньев, скорее, является исключением: *курку* (бояться) → *куркыну* (испугаться) → *куркыныч* (страх, боязнь) → *куркынычсыз* (нестрашный, безопасный) → *куркынычсызландыру* (обезопасить) → *куркынычсызландырылу* (обезопаситься).

По лексико-грамматической отнесенности исходного слова и конечного звена цепи в обоих языках выделяются линейные цепи, где исходное и конечное звенья цепи принадлежат разным частям речи: *вязать* (глагол) → *связать* → *связь* → *бессвязный* → *бессвязно* (нареч.), *бъйлънъ* (глагол) → *бъйлънъ* → *бъйлънеш* → *бәйлънешез* → *бъйлънешез* (нареч.); *кипеть* (глагол) → *кипятить* → *кипяtilьник* (сущ.), *кайнау* (глагол) → *кайнату* → *кайнаткыч* (сущ.); и кольцевые, в которых исходное слово и конечное звено принадлежат одной части речи; для русского и татарского языков ею, как правило, является имя существительное: *тоска* (сущ.) → *тоскливый* → *тоскливость* (сущ.), *сагыш* (сущ.) → *сагышлы* → *сагышылык* (сущ.); *влага* (сущ.) → *влажный* → *влажность* (сущ.), *дым* (сущ.) → *дымлы* → *дымлык* (сущ.).

По признаку «последовательное присоединение аффиксов или чересступенчатое» в русском и татарском языках выделяются полные цепи, в которых каждая ступень словообразования маркирована своим аффиксом: *крепкий* → *крепить* → *крепление*, *нык* → *ныгыту* → *ныгытма*, и неполные, в которых ступенчатый принцип развертывания гнезда уступает место чересступенчатому: *кричать* → *раскричаться* (отсутствует звено «*раскричатъ*»); *купе* → *купированный* (отсутствует звено «*купировать*»). В татарском языке чересступенчатое словообразование тоже может иметь место: так, на фоне полной цепи *дан* (слава) → *данлы* (знаменитый) в этом же

словообразовательном гнезде можно встретить и неполные, например, в словообразовательных цепях *дан (слава) → данлыклы (прославленный, знаменитый)* и *дан (слава) → данлыклау (прославить)* отсутствует звено *данлык* (отвлеченное существительное).

В русском и татарском языках выделяются цепи с мономотивированными и полимотивированными компонентами: *точный → точность → неточность* (1), *точный → неточный → неточность* (2); *тльгъл → тльгъллек → тльгълсезлек* (1), *тльгъл → тльгълсез → тльгълсезлек* (2).

Структурно-семантическая типология исследуемых единиц предполагает конкретизацию понятия типовой словообразовательной цепи. Типовые словообразовательные цепи возникают у слов одной семантической сферы, одной лексико-семантической группы, у синонимов и антонимов. В целом для словообразовательных цепей характерны различные объединения, но типовую образуют как минимум две словообразовательные цепи, одинаковые по формально-семантическим свойствам входящих в нее слов. Несмотря на релевантность понятия типовой словообразовательной цепи как для русского, так и для татарского языков, их межъязыковая эквивалентность является, скорее, исключением, чем правилом. Например, в татарском языке типовую словообразовательную цепь составляют производные от существительных *аш* (еда) и *эш* (работа), однако их соответствия в русском языке такой единицы не образуют: *аш* (еда) → *ашау* (есть) → *ашату* (кормить) → *ашатуче* (кормилец); *эш* → (работа) → *эшлһнь* (работать) → *эшлһтнь* (заставлять работать) → *эшлһтньче* (тот, кто заставляет работать).

Вопреки стремлению дериватологов усмотреть в ряде случаев типизацию, наш материал показывает, что основная масса словообразовательных цепей являет собой специфические объединения производных, уникальность которых тем выше, чем больше количество звеньев в словообразовательной цепи. Даже в пределах одного языка словообразовательные цепи с семантически однотипными исходными словами в большинстве случаев имеют разные структуры и различное количество звеньев. Тем не менее межъязыковая эквивалентность типовых словообразовательных цепей все же имеет место: *весна → весенний → по-весеннему, яз → язгы → язгыча; осень → осенний → по-осеннему, кълз → кълзге → кълзгечһ; лето → летний → по-летнему, кһй → кһйге → кһйгечһ*.

Проблема изучения межъязыковой эквивалентности и структурных соответствий в сфере комплексных единиц словообразования неразрывно связана с понятиями симметрии и асимметрии в языке. В современном языкознании эти категории выступают в качестве важнейших методологических элементов исследования, поэтому третий параграф данной главы посвящен проблеме структурно-семантической асимметрии словообразовательных цепей русского и татарского языков.

Результаты анализа позволили выявить асимметричные словообразовательные цепи, компоненты которых, будучи структурно-семантическими эквивалентами, в русском и татарском языках находятся в отношениях обратной производности, т.е. направление производности между словообразовательными парами и их составляющими оказывается различным: *вера* (ышаныч, ышану) → *верить* (ышану, ышанып тору) → *уверить* (ышандыру) → *уверенный* (ышанулы, ышанган, ышанычлы) → *уверенность* (ышанганлык) → *неуверенность* (ышанычсызлык). Татарские эквиваленты всех компонентов русской словообразовательной цепи также образованы от одного корня, т.е. являются их структурно-семантическими эквивалентами, однако последовательная производность в этом случае будет для них совсем другой, и, соответственно, для данной группы родственных слов будут характерны другие словообразовательные цепи: *ышану* (верить) → *ышаныч* (вера) → *ышанычлы* (уверенный, надежный); *ышану* (верить) → *ышаныч* (вера) → *ышанычсыз* (ненадежный, неуверенный) → *ышанычсызлык* (ненадежность, неуверенность).

Словообразовательная асимметрия может быть вызвана отсутствием тех или иных словообразовательных значений или спецификой их лексикализации в одном из языков: *окно* (тһрһзһ) → *окошко* (кечкенһ тһрһзһ) → *окошечко* (бик кечкенһ тһрһзһ); *соль* (тоз) → *солонка* (тоз савыты). Образование каждого нового компонента цепи практически всегда сопровождается появлением нового смысла. Во многих случаях у производных слов, относящихся к различным ступеням деривации, возникают и развиваются свои собственные значения, не свойственные производящему слову. Они также могут передаваться по словообразовательной цепи. Как правило, такого рода семантические сдвиги нарушают структурно-семантическую эквивалентность словообразовательных цепей: *еж* (керпе) → *ежить* (берешь) → *ежиться* (берешь) → *поеживаться* (берешеп тору). Фактически при появлении в одном из звеньев цепи фразеологизированного типа значения одновременно происходит смена и татарского эквивалента, фиксирующего в данном случае изменение семантики русского исходного слова: *лист* (бит) → *листать* (актару, ачкалау) → *перелистать* (актарып чыгу) → *перелистывать* (актаргалау) → *перелистывание* (актару); *один* (бер) → *одинокий* (ялгыз) → *одиночка* (ялгыз кеше) → *поодиночке* (берһмлеп, берһм – берһм). Семантический сдвиг может происходить на разных ступенях развертывания словообразовательной цепи – в срединных и конечных звеньях или даже во всех звеньях одновременно: *стук* (шыкылдау) → *стукать* (сугу) → *стукнуть* (сугу) → *стукнуться* (бһрелъ) → *стукаться* (бһрелъ) → *застукаться* (тотылу).

Несмотря на то, что все звенья словообразовательной цепи осложняются как различными формантами, так и новыми смыслами, их

лексическая соотнесенность с исходным словом ощущается с позиций языкового сознания достаточно отчетливо. Поэтому понимание словообразовательной цепи как линейного развертывания деривационного акта предполагает также и поиски ответа на вопрос, почему та или иная корневая морфема (мотивационная база) так прочно удерживается в языковом сознании, несмотря на наличие в языке других способов номинации, что обращает нас в область ономазиологии и когнитивной лингвистики. При сопоставлении словообразовательных цепей русского и татарского языков нами выявлены факты, когда отсутствие структурно-семантического соответствия между их звеньями объясняется не только специфическим набором деривационных средств, но и идиозтническим характером номинации того или иного фрагмента действительности. Так, в русском языке от слова *волос* образуются производные со специфической внутренней формой и семантикой: *простоволосый* – ‘с непокрытой головой’, *простоволосить* – ‘снимать насильно с женщины платок, позорить’; *опростоволоситься* – ‘допустив какую-либо оплошность, промах, оказаться в невыгодном, неприятном, смешном и т.п. положении’. В татарском языке соответствующие значения передаются описательно: *волос* (чѣч) → *простоволосый* (яланбаш, букв.: с голой головой) → *простоволосить* (яулык салдырту, букв.: заставить снять платок) → *опростоволосить* (яулык салдырту) → *опростоволоситься* (ялгышлык ясау, букв.: сделать ошибку). Лексикализация данных понятий в русском языке, несмотря на его актуальность и для татарского языкового сознания, свидетельствует о национально-специфическом характере лексического значения и асимметрии в сфере словообразовательной семантики. Таким образом, последовательная производность является универсальным свойством словообразовательной системы независимо от принадлежности языка к тому или иному морфологическому типу, однако в каждом из языков она реализуется достаточно специфично.

Глава 4. «Роль словообразовательного гнезда в системной организации лексики и методы его исследования» раскрывает авторскую концепцию интегрального описания комплексных единиц словообразования. В первом параграфе обосновывается необходимость изучения словообразова-тельного гнезда как одного из важных элементов лексической системы. Если в плане выражения словообразовательное гнездо представляет собой объединение словообразовательных структур с одной и той же корневой морфемой и разными аффиксами, то в плане содержания – систему словообразовательных и лексических значений входящих в него слов, т.е. совокупность особым образом организованных лексических единиц. Роль и место словообразовательного гнезда в системной организации лексики определяется в кругу измерений семантического пространства языка: находясь на деривационной оси и являясь деривационной подсистемой, словообразовательное гнездо по

своим парадигматическим и синтагматическим свойствам сближается с другими элементами лексической системы, оставаясь при этом «особой разновидностью лексической группы» [Денисов 1980].

Второй параграф посвящен исследованию проблемы разграничения двух типов гнезд – лексического и словообразовательного, которая в отечественном языкознании становилась предметом обсуждения в работах Е.Л. Гинзбурга [1979], А.Н.Тихонова [1985, 1987], М.Н.Янценецкой [1984], И.А. Ширшова [1999]. Понятия лексического и словообразовательного гнезда, по мнению автора, представляют собой две стороны, с точки зрения уровневой организации языка, одного и того же явления, поэтому идея их противопоставления противоречит осмыслению данной языковой единицы как структурно-семантического целого. Дифференциация лексических и словообразовательных гнезд (ср. с понятием этимологического гнезда [Варбот 1993]) в известной степени отражает различия синхронического и диахронического подходов к изучению родственных слов: если распределение слов по словообразовательным гнездам с точки зрения синхронии опирается на живые структурно-семантические связи между однокоренными словами, то в лексическое гнездо входят «исторически родственные слова» [Виноградов 1977].

В третьем параграфе обосновывается статус словообразовательного гнезда как лексической микросистемы и выявляются его связи с другими единицами лексико-семантического уровня языка. Системный характер словообразовательного гнезда подтверждается однородным характером его взаимообусловленных элементов – производных слов с идентичными корневыми морфемами, которые структурируются в словообразовательные цепи и парадигмы; на основе общности корневой морфемы происходит интеграция элементов этой микросистемы в единое целое. Взаимообусловленность членов парадигматического ряда в словообразовательном гнезде осуществляется за счет тождества семантического инварианта, выраженного корневой морфемой. Вместе с тем одним из отличительных признаков лексико-семантической системы языка является ее неоднородность, и в этом плане словообразовательное гнездо не является исключением: в его составе всегда можно встретить производные с уникальной словообразовательной структурой и значением.

Релевантным признаком словообразовательного гнезда как лексической микросистемы является наличие в нем, с одной стороны, деривационных (структурно-семантических) отношений между его элементами, с другой - парадигматических отношений с различными группировками в лексико-семантической системе, обуславливающих его вхождение в семантическое пространство языка. Так, исходные слова словообразовательных гнезд могут вступать между собой в антонимические и синонимические отношения, а также принадлежать к тому или иному классу слов: по общим категориальным признакам к

частям речи, по другим признакам к тематическим объединениям слов, лексико-семантическим группам, т.е. любым группам номинативных единиц, представляющим идеографическое описание лексики. Семантическая близость слов одной ЛСГ, как правило, свидетельствует об общности их деривационного потенциала и в значительной степени определяет структурно-семантическую основу словообразовательного гнезда, т.е. состав его конкретных словообразовательных парадигм. В целом можно утверждать, что комплексные единицы словообразования – словообразовательное гнездо, парадигма и цепь – выступают в лексике в качестве системообразующего фактора и отражают роль деривационных процессов в организации лексико-семантической системы языка.

В четвертом параграфе доказывается необходимость и правомерность ономаσιологического подхода в сопоставительном изучении словообразовательных гнезд и других единиц словообразовательной системы. С этой точки зрения комплексные единицы словообразования являются совокупностями номинативных единиц, в которых происходит деривационное развитие одного и того же обозначаемого. При изучении структуры и характера словообразовательных номинаций в каждом из сопоставляемых языков наиболее оптимальным и эффективным представляется синтез семасиологического и ономаσιологического подходов, обеспечивающий наиболее полное и глубокое исследование деривационных процессов.

Сопоставительный анализ номинативных средств русского и татарского языков позволяет выявить степень их структурной и семантической эквивалентности. То, что в одном языке обозначается производным словом, в другом может маркироваться словообразовательными средствами: так, русское существительное *стул* является производной лексемой, а его татарское соответствие *урындык* образовано от основы *урын* (место), или, напротив, татарское *хат* (письмо) принадлежит к классу примарных слов, в то время как его русский эквивалент образован от глагола *писать*, хотя, безусловно, определенная часть соответствий выявляется и на словообразовательном уровне.

Среди татарских соответствий достаточно регулярны и аналитические сочетания: *подбросить* – *лъскъ ыргыту* (бросить вверх); *переводить* – *тђркемђ итђ* (делать перевод). Следовательно, при сравнении можно обнаружить не только разную степень расчлененности в подаче языкового содержания, но и специфику номинативного оформления: межъязыковое соотношение цельнооформленных и раздельнооформленных номинативных единиц.

Результаты межъязыкового анализа словообразовательных номинаций имеют большое значение для решения проблемы линейной предельности языкового знака. В каждом из языков существуют различные структурные формулы для передачи информации: с одной стороны, это однословные

номинативные знаки, где означаемое выражается одним означающим, и неоднословные номинативные знаки, когда для выражения означаемого требуются дискретные единицы, линейно превышающие пределы одного слова. При семантизации понятия средствами другого языка происходит смена номинативного знака и означаемое может выражаться иными структурными означающими: *суховей* – *коры кил* (букв.: сухой ветер), *сухомятка* – *коры аш* (букв.: сухая еда), *сухарь* – *киптергһн ипи кисһге* (букв.: высушенный кусок хлеба). Вне сомнения, и синтетическое словообразование с его компрессивной функцией, и аналитические номинации с их строго закрепленной денотативной референцией имеют важное значение для каждого из языков, однако их разное соотношение при объективации одних и тех же реалий является одной из главных причин возникновения межъязыковой асимметрии.

Будучи результатом вторичного означивания, производное слово возникает на базе уже существующих слов в рамках словообразовательных процессов и при помощи словообразовательных средств, наличествующих в данной языковой системе [Кубрякова 2004]. Сама номинативная техника любого языка, безусловно, связана с его морфологической структурой: в частности, агглютинативно-аналитический строй татарского языка и соответствующие ему способы морфологической деривации влекут за собой отсутствие префиксальных глаголов и их последующих производных в рамках словообразовательной цепи, например: *ходить* (йөрү) → *обходить* (эйләнep чыгу) → *обход* (эйләнep чыгу) → *обходчик* (караучы) → *путьеобходчик* (тимер юл караучы) → *путьеобходчица* (тимер юл караучы хатын). Однако мотивировать наличие или отсутствие тех или иных номинаций в языке только системными ограничениями не всегда представляется возможным. Так, одним из распространенных способов номинативной деривации в испанском языке является префиксация. Несмотря на активное образование испанских глаголов при помощи префиксов *ante-*, *con-* (*com-*, *co-*), *contra-*, *des-*, *non-*, *re-*, *sobre-*, *trans-*, трудно согласиться, что они образуют регулярные структурно-семантические корреляции с русскими префиксальными глаголами, выражающими пространственные или другие типы значений, например: *contramarchar* (идти в обратном направлении), *despintar* (снимать краску). Следовательно, одни и те же способы словообразования в каждом из языков связаны со своими ономаσιологическими категориями и реализуют специфические словообразовательные значения, демонстрирующие специфику членения объективной действительности с помощью словообразовательных средств.

Сопоставительный анализ словообразовательных номинаций разных языков способствует выявлению их национально-культурной специфики, носителем которой в первую очередь выступает внутренняя форма производных слов. Национальное своеобразие внутренней формы

проявляется в тех случаях, когда мотивированной с точки зрения деривации номинативной единице одного языка в другом языке соответствует немотивированный знак или же знак, мотивированный иной производящей основой, например: *нефть* (непроизводное в русском); *карамай* (производное в татарском, букв.: черное масло); *el petróleo* (производное в испанском: букв.: каменное масло); *das Erdöl* (производное в немецком: букв.: земляное масло), ср. у В.Даля: «нефть – горное масло, земляной деготь, ископаемая жидкая смола». Внутренняя форма слова в сопоставительном словообразовании проявляется в характере смыслового отношения производного слова к мотивирующей его основе. К примеру, татарский глагол *ташлау* (бросать, кидать) этимологически мотивирован существительным *таш* (камень); с точки зрения русского языкового сознания данное отношение мотивирующего слова к производному является вполне понятным и объяснимым (ср. *бросить в кого-либо камень, время разбрасывать камни*), но в то же время необычным по своей структуре.

Внутренняя форма производной номинативной единицы наиболее явственно предстает в окружении других родственных слов, объединенных в словообразовательное гнездо. Ономаσιологический аспект в изучении словообразовательных гнезд разносистемных языков является способом углубленного познания объектов словообразовательной детерминации с точки зрения универсальности и уникальности их семантической структуры и места в системе языка. В результате анализа внутренней формы однокоренных слов двух языков выявляется механизм языкового сознания при номинации одних и тех же денотатов, а именно признаки и ассоциации, лежащие в основе наименований различных реалий объективной действительности.

В пятом параграфе определяется место словообразования в когнитивно-дискурсивной парадигме современной лингвистики (Т.И. Вендина, Е.С.Кубрякова, О.Ю.Крючкова, Е.В.Петрухина и др.) и рассматриваются основные аспекты когнитивной интерпретации словообразовательного гнезда. Словообразовательное гнездо как совокупность номинативных единиц представляет собой уникальную репрезентацию опыта и знаний человека и выступает в качестве носителя концептуальной и ментальной информации. В рамках словообразовательных гнезд разносистемных языков можно установить те или иные когнитивные модели интерпретации явлений действительности, т.е. те понятийные области, которые в большей степени подвержены словообразовательной детерминации, а следовательно, являются более значимыми для носителей языка.

Так, соотносительные словообразовательные гнезда с исходными словами *конь, лошадь* – в русском, *ат* – в татарском и *el caballo* – в испанском характеризуются специфическим составом своих номинативных единиц, а следовательно, разной дифференциацией одного и того

же денотативного пространства, отражающей особенности человеческого мировосприятия и культурно-исторического опыта.

Для русского языкового сознания актуальным является выражение отношения человека к данному животному и его оценка, поэтому в исследуемых словообразовательных гнездах много производных с субъективно-оценочным значением: *лошадка, лошадушка, лошаденка, конек, коник, конишка, коняга*. В русских словообразовательных гнездах наличествуют многочисленные наименования лиц, имеющих непосредственное отношение к данному животному: *лошадник, конюх, конник, коновал, конокрад, коневод, коннозаводчик, коногон* и др. Наименования лиц среди татарских однокоренных слов немногочисленны и малоупотребительны: это субстантивированное прилагательное *атлы* (верховой, всадник); *атчы* (конюх); *атменһр* (устар.; всадник, наездник, седок); *атчабар* (устар.; гонец, посыльный).

В татарском языке от основы *ат* (конь, лошадь) образованы глаголы, обозначающие действия (движения) человека как в прямом значении по отношению к этому животному, так и переосмысленные. Таковой является глагольная лексема *атлану* (сесть, сидеть верхом), обладающая специфической внутренней формой. В основе данной номинативной единицы лежала ассоциация по форме – пространственному соположению субъекта и объекта при осуществлении действия, т.е. положение человека, сидящего на коне. В русском языке для выражения этого значения используется другое средство номинативной деривации, а именно словосочетание *сидеть верхом*. Среди татарских производных выделяется и глагол *атлау* (шагать, ступать), ср. также: *атлап бару* (идти шагом), *атлап чыгу* (перешагнуть), *атлап кую* (шагнуть).

В татарском словообразовательном гнезде с исходным словом *ат* наличествуют дериваты, семантическая структура которых содержит ярко выраженную концептуальную информацию. В этих номинативных единицах лошадь выступает в качестве символа богатства и благосостояния: *ат-тун* (собир.; богатство, букв.: лошадь и шуба); *атлы-тунлы* (самостоятельный, зажиточный, букв.: имеющий коня и шубу); *атлык* (средства, деньги для покупки лошади; припасенный корм для лошади); *ат-туар* (собир.; лошадь и другой домашний скот); *атсызлык* (положение безлошадного крестьянина; бедность, нужда).

В испанском языке для наименования человека, сидящего на лошади, используется субстантивированное прилагательное *caballero* (ездящий верхом, верховой), образованное от основы *caballo* (лошадь, конь). Данная номинация в результате переосмысления стала служить для выражения особого концепта – «рыцарство, благородство как истинно мужские качества» – и означать также 'кавалер, рыцарь, дворянин, господин, идадьго, корректный человек, джентельмен, сударь (в обращении)'; в современном испанском языке это слово употребляется в значении

‘мужской’: *de caballeros* (мужской, для мужчин). От основы *caballero* образуется ряд последующих производных: *caballeroso* (благородный, джентельменский, рыцарский, вполне корректный); *caballerosamente* (благородно; по-рыцарски); *caballerosidad* (благородство, джентельменство) и др. Таким образом, формируя коммуникативно важные блоки смыслов, словообразовательное гнездо является отражением мыслительных процессов в языковом сознании того или иного народа.

Глава 5. «Сопоставительный анализ словообразовательных гнезд разносистемных языков» содержательно и логически связана с предыдущими и посвящена выявлению сходств и различий в структурно-семантической и номинативной организации словообразовательных гнезд, при этом особое внимание в ней уделяется описанию фактов дифференцированного означивания фрагментов объективной действительности.

В первом параграфе анализируются отсубстантивные словообразовательные гнезда с исходными словами – наименованиями частей тела, отрезков пространственно-временного континуума, натурофактов и артефактов.

Сопоставительный анализ соматической лексики разных языков обычно сосредоточен на их семантической структуре и сочетаемости, а словообразовательные отношения и деривационный потенциал этих лексем остаются, как правило, вне поля зрения ученых. В этой связи исследование избранных автором для анализа словообразовательных гнезд, исходные слова которых составляют ядро этой группы – *тело, голова, рука, нога, колено, локоть, спина, шея*, позволяет выявить определенные типы понятий, для обозначения которых использовался механизм деривации.

В русском и татарском языках в составе словообразовательных гнезд с исходным словом *шея (муен)* отмечены номинации, обозначающие артефакты, в частности, название предмета, надеваемого непосредственно на шею животного: это слова *ошейник* и *муенчак*. В татарском языке от существительного *муенчак* образуется глагол *муенчаклау* (одевать ошейник) и его формы *муенчаклану* (страд.) и *муенчаклату* (понуд.); кроме того, корень *муен* использован также при образовании другого слова – *муенса* (бусы, кольцо, ожерелье, любое украшение, надеваемое на шею). Национально-специфический компонент в номинациях русского словообразовательного гнезда составляют наречия *взашей (взашей)* – ‘толкая в шею, грубо выгоняя, выталкивая’. В татарском языке для передачи этого значения используются описательные конструкции: *прогнать взашей – килкһсенһ биреп (тондырын), артына тибеп куып чыгару* (букв.: стукнув по затылку, пнув вдогонку, прогнать). Для татарского словообразовательного гнезда специфическим производным является прилагательное *муенсыз* (с аффиксом отрицания *-сыз*), которое

означает ‘бесхарактерный’ (ср. русское *бесхребетный* – ‘не имеющий твердости в характере, беспринципный’); от него образуется глагол *муенсызлану* (проявлять бесхарактерность, беспринципность).

В русском и испанском языках наличествуют соответствующие признаковые имена, служащие для обозначения физических параметров человека; в татарском языке в данном случае используются аналитические дескрипции, однако их структура фактически совпадает со структурой соответствующих сложных слов: *длинношей* – *cuellilargo* - *озын муенлы*; *короткошей* – *cuelllicorto* - *кыска муенлы*, что свидетельствует об общих закономерностях процессов номинативной деривации.

В реферируемой работе предложен новый подход в сопоставительном изучении словообразовательных гнезд соматизмов, при котором выявляются производные одного типа номинации, а именно предметно-мотивированные слова, внутренняя форма которых содержит указание на функцию того или иного объекта реальной действительности. Среди функциональных номинаций выделяются названия одежды, обуви и головных уборов: *телогрейка* - *сырма* (от *сыру* – стегать, букв.: стеганка); *ушанка* - *колакчын*; *безрукавка* - *кыйсез кълмѣк* (букв.: рубашка без рукавов); *рукавица* - *биялай*; *босоножки* - *кѣйге аяк киеме* (букв.: летняя обувь) и др. Часть номинативных единиц в исследуемых гнездах представлена названиями элементов одежды особого назначения, предохраняющих части тела или саму одежду: *наколенник* - *тез саклагыч*, (букв.: оберегающий колена); *нарукавник* - *кинсѣ* и др. Здесь также наличествует большая группа конкретно-предметной лексики, где представлены другие типы функциональных номинаций, отражающих различные связи объекта с человеком и его деятельностью: *рукоятка* - *тотка*, *тоткыч* (от *тоту* – держать); *рукомойник* - *кульюгыч*; *наручники* - *кул богавы* (букв.: оковы для рук); *подножка* – *басма* (ступенька), *асылма баскыч* (висячая лесенка) - от *басу* (наступать); *подголовник* - *баиш асты тактасы* (доска под голову) и др. Для татарского языка характерны иные функциональные номинации: *кульявлык* (от *кул* – рука) – носовой платок; *колакса*, *колак алкасы* (от *колак* – ухо) – серьги; *авызлык* (от *авыз* – рот) – удила, внутренняя форма которых указывает на местонахождение предмета. Таким образом, различия в номинативной организации словообразовательных гнезд двух языков свидетельствуют о неоднородном характере семантических приращений в процессе развития коррелятивных корневых морфем.

Для сопоставительного анализа словообразовательных гнезд натурофактов были выбраны обозначения пространственно-природных образований, на которые направлена трудовая деятельность человека – лексемы *лес*, *поле*, *река* и *море*. В ходе исследования установлено, что номинативные единицы коррелирующих словообразовательных гнезд

обнаруживают разную денотативную соотнесенность с внеязыковыми реалиями, т.е. различаются по обозначаемым ими понятиям.

Если в русском словообразовательном гнезде с исходным словом *лес* наличествуют номинации, характеризующие лицо по действию (по профессии): *лесник, лесоруб, лесовик, лесовод, лесозаготовитель*; названия сфер материального производства – с очевидной направленностью на достижение определенной цели (выращивание, заготовка и переработка леса): *лесозаготовки, лесокOMBинат, лесопитомник, лесопилка, леспромхоз, лесоповал, лесосплав*; названия машин и механизмов: *лесоспуск, лесоукладчик, лесовоз*; названия локальных участков, отведенных под производство: *лесополоса, лесосека, лесопосадка*, то в татарском языке от основы *урман* (лес) производных образуется немного: *урман-дала* (лесостепь); *урманлау* (облесить); *урманлы* (лесистый); *урманлык* (место, поросшее лесом); *урманчы* (лесник); *урманчык* (роща, небольшой лесок); *урманчылык* (лесоводство). Поэтому номинативным единицам русского словообразовательного гнезда соответствуют в татарском описательные конструкции, например: *лесосека – урман бӱлемтеге* (букв.: участок леса); *лесопилка – такта яру заводы* (букв.: завод, где делают доски) и т.д. В испанском языке от основы *bosque* (лес) дериваты практически не образуются. Более дифференцированное означивание реалий в русском языке в данном случае обусловлено экстралингвистическими факторами, лежащими в основе не только словообразовательной, но и понятийной асимметрии (ср.: *el monte – gora, лес*).

Состав номинаций словообразовательных гнезд русского и испанского языков с исходным словом *море* (*el mar*) позволяет установить специфику реализации в языке идентифицирующих номинаций. Если в испанском языке они характеризуют прежде всего физическое состояние водного пространства и окружающей его атмосферы, например, наличие или отсутствие волн и их величину: *la marejada* (сильное волнение на море); *la marejadilla* (уменьшительное к *marejada*); *la mareta* (зыбь на море, легкое волнение на море); *el maretazo* (шквал, большая волна); *la marea* (чередование морского прилива и отлива, бриз, морской ветерок); то в русском языке номинации данного класса служат, в частности, для обозначения участков суши, прилегающей к морю: *взморье* – ‘морское побережье’; *приморье* – ‘местность у моря’; *поморье* – ‘местность, прилегающая к морю, а также старое название северных русских земель’; *заморье* (устар.) – ‘местность за морем’ и др. В татарском языке словообразовательное гнездо с исходным словом *диһгез* (море) включает только два производных – *диһгезче* (морьяк) и *диһгезчелек* (мореходство, мореплавание), что свидетельствует о неактуальности для татарского языкового сознания развития данной семантической сферы. Таким образом, сопоставительный анализ словообразовательных гнезд с исходными словами – обозначениями объектов природного мира - показал

разную соотнесенность номинативных единиц двух языков с внеязыковыми реалиями и соответствующими им понятиями.

Объектом межъязыкового анализа наименований артефактов стали коррелятивные словообразовательные гнезда с исходным словом *дом*. В сравниваемых языках обнаруживаются лексемы, свидетельствующие о сходстве и специфике процесса членения объективной действительности и наречения ее составляющих. Характерной особенностью русского словообразовательного гнезда в данном случае является большое количество наименований лиц: *домочадец*, *домосед*, *домохозяин*, *домработница*, *управдом*, *бездомный*, *детдомовец*, *надомник*, *домушник* и др., а также лексемы с национально-специфическим характером семантики: *домоводство* 'название предмета в школе', *домострой* 'патриархальный семейный уклад', *домовина* 'гроб', *домовой* 'дух, живущий в доме'.

В соответствующих словообразовательных гнездах татарского языка с исходными словами *йорт* и *льй* также наличествует ряд специфических по своей структуре номинативных единиц. Это сложные существительные с собирательным значением: *йорт-каралты* и *льй-каралты* (дом и домашние постройки); *йорт-кир* (имущество, букв.: дом и земля), ср.: *йортсыз-кирсез* (бездомный, бесприютный); *йорт-кицаз* (все для дома); наименования лиц: *йортташ*, *льйдђш* (живущий в одном доме); некоторые понятия: *льйлек* (материал, достаточный для постройки дома); *йорттан-йортка* (из дома в дом, подворный), *йорттотмас* (не любящий семейной, домашней жизни). В татарском языке непосредственно от основы *льй* образуется глагол *льйлђнђ* (жениться, букв.: обзавестись домом), а от него и другие дериваты: *льйлђнгђн* (женатый), *льйлђндерђ* (поженить), *льйлђнешђ* (пожениться), ср. с испанскими дериватами *casar* (женить), *casarse* (жениться, вступать в брак), *casado* (женатый), образованными от основы *casa* (дом). Данные лексемы фактически могут быть объединены в отдельное словообразовательное гнездо, поскольку являются словами другой семантической сферы.

Наименования частей суток и времен года, как все имена, относящиеся к обозначениям категорий пространства и времени, называют не дискретный предмет, а отрезок временного континуума. Они представляют собой замкнутые микросистемы, включающие в себя по четыре лексемы: *день / ночь*, *утро / вечер*; *лето / зима*, *осень / весна*.

В русском словообразовательном гнезде с исходным словом *день* выделяются номинативные единицы, не имеющие в татарском языке словообразовательных аналогов: прилагательные *повседневный* с дериватами *повседневно* и *повседневность* (кђн саен була торган, кђндђлек, гадђти); *злободневный* с производными *злободневно* и *злободневность* (бик мљцим, актуаль, кђн ызђк, кђн ызђгендђге);

существительные *равноденствие* (кълн белѣн тълн тигезлеге); *полдник* (кичке ѣбѣт; тлъшке аштан соѣ ашала торган кѣѣел аш) и др.

В татарском словообразовательном гнезде с исходным словом *кълн* (день) выявлено значительное количество специфических номинативных единиц: *кълнбагыш* (подсолнечник, подсолнух); *кълнаралаш* (через день); *кълнкъреш* (быт, бытовой; житье-бытье); *кълнлек* (дневной, рассчитанный, предназначенный на один день); *кълндѣгечѣ*, *кълндѣгедѣй* (как всегда, как обычно); *кълнозын* (весь день, целый день); *кълн-тълн*, *кълнен-тълнен* (днем и ночью, беспрестанно); *кълннѣн-кълн* (с каждым днем). Основа *кълн* используется в татарском языке при обозначении сторон света, придавая данным производным ярко выраженное структурно-семантическое своеобразие: *кълнчыгыш* (восток, букв.: выход дня); *кълнбатыш* (запад, букв.: заход дня); *кълнъяк* (юг, букв.: сторона дня), ср. *тълнъяк* (север, букв.: сторона ночи), *тълнъяк-кълнбатыш* (северо-запад); *тълнъяк-кълнчыгыш* (северо-восток). Специфической семантической структурой обладают также словообразовательные гнезда с исходными словами *ночь* (*тълн*), *утро* (*иртѣ*), *вечер* (*кич*).

Наименования времен года, несмотря на их универсальный характер, в русском и татарском языках проявляют разную деривационную активность. Так, в русском словообразовательном гнезде есть производные слова, не имеющие словарных татарских соответствий: *зимник* – ‘дорога, проложенная прямо по снегу для езды в зимнее время’; *зимовник* – ‘помещение для зимующих где-либо животных или пчел’; *засимок* – ‘первый снег, первый мороз’ и др. Как правило, данные номинации представляют собой устаревший или территориально ограниченный пласт русской лексики. В то же время татарское словообразовательное гнездо также содержат номинации, которые в русском языке не маркируются на словообразовательном уровне: *кышлык*, *кышкылык* (предназначенный для зимы, запасенный на зиму); *кышлыксызлану* (мучиться без запасов на зиму, быть неспособным противостоять холодам и неблагоприятным зимним условиям). Кроме того, для татарского языка характерны сложные наречия со значением ‘постоянно, весь год’: *кышын-кълзен* (зимой и осенью); *кышын-язын* (зимой и весной); *кышын-кѣен* (зимой и летом). Словообразовательные гнезда с вершинами *лето* (*ѣѣй*), *осень* (*кѣз*), *весна* (*яз*) характеризуются небольшим количеством производных, однако их семантическая структура также достаточно своеобразна.

Для обозначения пространства между предметами или времени, проходящего от одного действия, явления, события до другого, в русском языке используется слово *промежуток*. Оно служит производящей базой для единственного производного – прилагательного *промежуточный*. В татарском языке для выражения данного понятия используется непроизводное слово *ара* (промежуток, интервал, дистанция; путь, расстояние; пробел; время; круг, среда), семантическая структура которого

намного шире семантики соответствующей русской лексемы. В татарском языке, как и в русском, от основы *ара* образуется прилагательное *арадагы* (промежуточный), однако деривационное развитие данного понятия на этом не заканчивается. В татарском словообразовательном гнезде с исходным словом *ара* наличествуют лексемы со специфическим компонентом значения и внутренней формой: *арадаш* (посредник, посреднический); *арадашлык* (посредничество); *арадашлык итѣ* (посредничать); *аралау* (разнимать; сортировать); *аралаучы* (разнимающий, заступающийся); *аралану* (страд. от *аралау*; избегать, например, беды); *аралашу* (общаться, общение; смешиваться, перемешиваться); *аралашучан* (общительный человек); *аралаш* (смешанный, вперемешку); *аралаштыру* (смешивать, перемешивать; тасовать); *аралык* (промежуток, узкое свободное пространство; просека в лесу; простенок); *арасына* (в середину, в промежуток); *арасында* (среди, между, в среде: *кеше арасында* – среди людей, *сѣз арасында* – между слов). Данные дериваты свидетельствуют о том, что в татарском словообразовательном гнезде получили развитие специфические семантические зоны: одни номинации – *арадаш*, *аралаучы* – указывают на особую функцию субъекта – быть посредником, содействовать соглашению или примирению ссорящихся; другие – *аралашу*, *аралашучан* – отражают стремление субъекта к акту коммуникации с другими людьми. В целом можно утверждать, что словообразовательные гнезда с исходными словами – обозначениями частей пространственно-временного континуума – в русском и татарском языках являют собой ярко выраженные концептуальные структуры, свидетельствующие о специфике соотношения логических и деривационно-языковых категорий.

Второй параграф посвящен описанию результатов сопоставительного анализа словообразовательных гнезд параметрических, колоративных и оценочных прилагательных.

Параметрические прилагательные в русском языке представляют собой полисемантические структуры и своими лексико-семантическими вариантами входят в те или иные смысловые группы, обозначающие пространство, время, размер, количество, оценку. Прилагательные *высокий* и *низкий* среди других лексем, выражающих объемно-параметрические признаки, выделяются своей широкой лексической сочетаемостью, что находит отражение в их татарских эквивалентах: *высокая гора* – *биек тау*; *высокий человек* – *озын кеше* (букв.: *длинный человек*); *высокая температура* – *югары температура*; *высокое звание* – *зур дѣрѣкѣ* (букв.: *большое звание*); *высокие мысли* – *тирѣн фикерлѣр* (букв.: *глубокие мысли*); *низкий сарай* – *тѣбѣнѣк сарай*; *человек низкого роста* – *тѣбѣнѣк буйлы кеше*; *низкое качество* – *тѣбѣн сыйфат*; *низкий поступок* – *тѣбѣн эш*; *низкий голос* – *калын тавыш* (букв.: *толстый голос*). В этой связи особый

интерес представляет исследование лексического значения слова в аспекте его словообразующих возможностей.

Принято считать, что характер значения мотивирующей основы в значительной степени обуславливает семантическую структуру ее производных, из чего следует, что в семантике всех производных словообразовательного гнезда с исходным словом *низкий*, казалось бы, должен присутствовать общий компонент структурно-парадигматического типа – архисема параметрического признака, отражающая прямое значение этого адъектива. Однако исследование показало, что параметрический признак как инвариантный компонент значения присутствует у незначительной группы производных слов. Так, в словообразовательном гнезде с вершиной *низкий* основное значение ‘имеющий небольшое протяжение снизу вверх’, например, *низкий стол*, реализуется в следующих словообразовательных цепочках: *низкий* → *низенький* → *низенько*; *низкий* → *низко* → *низковато*. Что касается переносных значений, то они наследуются производными более активно и достаточно регулярно передаются по словообразовательным цепям. Например, ЛСВ ‘небольшой, незначительный по количеству, силе, степени и т.п.’ реализуется в следующих словообразовательных цепях: *низкий* (уровень жизни) → *снизить* → *снижать* → *снижаться*; ЛСВ ‘бесчестный, подлый’: *низкий* → *низкое*; *низкий* → *низость* и т.д.

Производным словам русского словообразовательного гнезда с исходным словом *низкий* соответствуют татарские дериваты трех словообразовательных гнезд со словами-вершинами *тѣбѣнѣк* (низкий, невысокий, низкорослый), *тѣбѣн* (низкий, нижний, низший) и *ким* (неполный, недостаточный). Все они принадлежат к одной ЛСГ прилагательных, выражающих объемно-параметрические признаки, однако деривационно-семантическое пространство каждого из исследуемых гнезд имеет свою специфику: прилагательные *тѣбѣн* и *ким*, в отличие от *тѣбѣнѣк*, активно развивают переносные значения и характеризуются бóльшим количеством производных с идиоматичным типом семантики. Так, от прилагательного *тѣбѣнѣк* образуются производные, семантика которых связана с его номинативным значением, т.е. с параметрическим показателем: существительное *тѣбѣнѣклек* (низкорослость) и глаголы *тѣбѣнѣклѣнъ* (делать более низким), *тѣбѣнѣклѣннъ* (становиться низким). От прилагательного *тѣбѣн* образуются производные лексемы как с прямым, так и переносными значениями: *тѣбѣнге* (нижний, низовой); *тѣбѣндѣге* (находящийся внизу, низовой, нижеследующий); *тѣбѣннѣю* (снижаться, понижаться); *тѣбѣнлек* (низость, подлость); *тѣбѣнсетъ* (унижать); *тѣбѣнчелек* (снисходительность, обходительность, вежливость); от прилагательного *ким* глаголы *кимъ* (уменьшаться, убавляться; снижаться, убывать); *кимсенъ* (считать себя ниже других, униженным, недостаточно оцененным); *кимсетъ* (унижать, принижать, умалять, пренебрегать,

третировать) и др. Таким образом, отадъективные дериваты данной смысловой группы наследуют, как правило, переносные значения своих производящих и характеризуются высокой степенью метафоризации, что ведет к ослаблению, а зачастую и к утрате в их семантике параметрических признаков.

Сопоставительный анализ русских и татарских дериватов, входящих в словообразовательные гнезда общеоценочных прилагательных *хороший / плохой*, позволяют установить, как развивается и видоизменяется семантика производящей основы в актах словообразования. Так, субстантиваты прилагательного *хорошенький* – существительные *хорошенький* (мальчик) и *хорошенькая* (девушка), в отличие от производящей основы, имеют уже иную семантику – ‘приятной внешности, довольно красивый; миловидный’, что подтверждают переводные эквиваленты этих слов в татарском языке: *хорошенький, хорошенькая* – *чибһр генһ* (красивый); *сьйкемле генһ* (симпатичный, миловидный); *матур гына* (красивый).

В татарских словообразовательных гнездах с исходными словами *яхшы* (хороший) и *начар* (плохой) наличествуют дериваты с национально-специфическим компонентом значения. В словообразовательном гнезде «яхшы» присутствуют производные, не имеющие структурно-семантических соответствий в русском языке: это сложное прилагательное *яхшатлы* (с добрым именем, авторитетный), например, *яхшатлы кеше* (авторитетный человек); образованный от него глагол *яхшатлану* (угодничать, лстить) и отвлеченное существительное *яхшатлылык* (доброе имя, добрая репутация); глагол *яхшысынмау* (считать неудобным, стесняться, букв.: не считать хорошим, приличествующим). Подобные лексемы образуют область не только словообразовательной, но и лексической лакуарности, свидетельствующей о национальном своеобразии семантической структуры русского и татарского языков.

Специфическим отличием русских словообразовательных гнезд с исходными словами *белый / черный* является наличие в них значительного количества сложных прилагательных. В русском языке имеются целые словообразовательные парадигмы, куда входят адъективы, дифференцирующие оттенки и качество белого и черного цветов: *жемчужно-белый, молочно-белый, мучнисто-белый, серебристо-белый, бело-розовый; землисто-черный, иссиня-черный, черно-бурый* и др. Такие номинации выполняют идентифицирующую функцию, а их семантика позволяет представить нам чувственно осязаемый образ обозначаемого. Результаты анализа показали, что словообразовательных номинаций, в основе которых категоризация или идентификация объекта связана с их зрительно наблюдаемой формой, гораздо больше в русском языке, чем в татарском. Среди сложных русских прилагательных выделяются номинации, призванные

охарактеризовать внешность человека (*белобровый, белозубый, черноокий, черноволосый*) и окраску животных (*белохвостый, черногривый, черно-пегий*).

Некоторые наименования лиц в русском и татарском языках имеют эквивалентные словообразовательные структуры: *белые* - *аклар*, *белильщик* - *агартуче*, *белогвардеец* - *акгвардияче*, однако большинство из них представляет собой область лексической лакунарности: *белозэмигрант*, *белоказак*, *чернорубашечник*, *черносотенец*, *чернокнижник* и др. Такого рода производные слова отсутствуют в татарском языке в силу экстралингвистических факторов, а также национально-культурных и религиозных традиций, например: *белец* – ‘человек, живущий в монастыре, но еще не постриженный в монахи’; *белица* (жен.).

В татарских словообразовательных гнездах с исходными словами *ак* / *кара* наличествуют предметные номинации со специфической внутренней формой: *актльке* (песец, букв.: белая лиса); *аккньбѣлѣк* (капустница, букв.: белая бабочка); *агалтын* (платина, букв.: белое золото); *аккургаиш* (олово, букв.: белый свинец); *акчѣчѣк* (ромашка, букв.: белый цветок); *аккоиш* (лебедь, букв.: белая птица); *карабньрек* (снегирь, букв.: черная шапка); *карабодай* (гречиха, букв.: черная пшеница). В татарском языке, в отличие от русского, для выражения значений ‘темный, лишенный света’ используются номинативные единицы с корнем *кара*: *караѣгы* (темный, сумеречный), *караѣгылык* (темнота, тьма, потемки, мрак); *караѣгыда* (в темноте); *караѣгылану* (темнеть, смеркаться); ср. аналогичную семантику в русском языке: *черная* (= *темная*) *ночь*, *черным-черно* (= *темным-темно*).

В третьем параграфе исследуется проблема структурно-семантического соответствия отглагольных словообразовательных гнезд, в частности, глаголов движения, владения и приобретения. И в русском, и в татарском языках глагол является деривационно активной частью речи, однако лексическая реализация словообразовательных возможностей основы зависит от многих причин: ее валентностных свойств, интенционной структуры, принадлежности к той или иной лексико-семантической группе.

Среди предикатов-релятивов типа *завладеть, получать, принимать, забирать, присваивать* глагольная лексема *брать* относится к словам с широкой понятийной основой. Полисемия исходного слова и самих глагольных префиксов предопределяет разнообразие словообразовательных типов, формирующих исследуемое словообразовательное гнездо, что приводит к обособлению в его семантической структуре ряда смысловых объединений, называемых «смысловыми подгнездами», например: *выбирать* – *выборы, выборный, выборщик* и др.

Степень семантической близости производных одной смысловой группировки может быть разной. Подгнезда с небольшим количеством производных характеризуются более тесной семантической связью их

составляющих. Однако, как правило, префиксальный глагол, обладая широким инвариантным значением, способствует образованию нескольких смысловых зон, формирующихся на основе более частных значений. В татарском языке каждое из таких подгнезд, являющееся относительно самостоятельным участком гнезда, имеет свой собственный набор эквивалентов, при этом каждый из префиксальных глаголов в зависимости от его лексической сочетаемости также может обладать индивидуальным составом соответствий: *отобратъ назад вещи* (һйберлһрне кире алу), *отобратъ лучшие сорта* (иһ яхшы сортларны аерып алу), *отобратъ нужные книги* (кирһкле китаплар сайлап алу); *забраться на гору* (тауга менһ), *забраться в дом* (льйгһ керһ), *забраться на край земли* (ерак китһ). Фактически в татарских эквивалентах обнаруживаются разнообразные оттенки значения, имеющиеся в семантике русского производного слова.

Татарское словообразовательное гнездо с исходным словом *алу* (брать / взять) тоже можно разделить на несколько смысловых зон. В нем наличествуют производные с отвлеченной или конкретной семантикой, например: *алым-биреш* (купля-продажа, взаимное одолжение); *алучы* (получатель); *алымма, алыммалы* (съемный, вставной); *алымма* (заимствование); *алым* (прием, способ) и др. В качестве самостоятельного участка можно выделить производные, образованные от основы *алышу* (брать друг у друга, обмениваться): *алышыну* (обмениваться), *алыштыру* (обменивать), *алышынучан* (изменчивый), *алыштыргысыз* (незаменимый).

В результате исследования словообразовательных гнезд различных частей речи и лексико-семантических групп установлено, что границы их семантической идентичности в разноструктурных языках, как правило, не совпадают. Семантическое тождество коррелятивных корневых морфем отнюдь не означает тождества семантической и номинативной конфигурации образуемых ими словообразовательных гнезд. Таким образом, словообразовательное гнездо как объект сопоставительного исследования позволяет выявить в рамках одной семантической общности специфику деривационных отношений, причины и способы возникновения соответствующих номинаций и их место в сознании носителей языка.

В заключении диссертации подведены итоги исследования и представлены его основные научные результаты.

Комплексные единицы словообразования являются универсальными способами систематизации производной лексики; их сопоставительный анализ позволяет охарактеризовать специфику номинационных процессов и деривационно-семантическое пространство разносистемных языков.

Релевантность словообразовательной пары для сопоставления словообразовательных систем неродственных языков обусловлена следующими факторами: с одной стороны, данная единица представляет собой реальный языковой факт, уникальность которого определяется

индивидуальным лексическим значением образующих ее слов, с другой - это элементарная классификационная единица, вступающая в синтагматические и парадигматические отношения в составе более сложных деривационных структур - словообразовательного гнезда, словообразовательной парадигмы и цепи.

Своеобразие словообразовательной парадигмы как комплексной единицы словообразования заключается в том, что она отражает деривационный потенциал производящей базы; это обстоятельство позволяет сравнивать деривационные возможности сопоставляемых языков в целом. В результате внутри- и межъязыкового анализа суммарных словообразовательных парадигм основных частей речи выявлен инвариант словообразовательной семантики, реализуемый в рамках комплексных единиц словообразования.

Установлено, что при общности словообразовательных значений и способов их выражения внутренняя форма производных слов русского и татарского языков может иметь национально-специфический характер. Своеобразие внутренней формы тех или иных дериватов обусловлено, с одной стороны, выбором разных мотивирующих баз при образовании номинативных единиц одной понятийной сферы, т.е. способами лексикализации одних и тех же понятий, с другой стороны, использованием эквивалентных мотивирующих основ в образовании производных с идиоэтническим компонентом семантики.

Словообразовательная цепь отличается от других единиц словообразовательной системы ярко выраженной структурированностью своих элементов. Она представляет собой пересечение двух типов структур: словообразовательной структуры образующих ее слов и структуры самой словообразовательной цепи, основанной на взаимоотношении ее звеньев – чередующихся производящих и производных.

Последовательная производность – это языковой феномен особого рода, существование которого обусловлено морфологической структурой языка, инвентарем его словообразовательных средств, набором словообразовательных значений и функционированием логико-семантических и грамматических категорий. Существующая в русской дериватологии типология словообразовательных цепей и парадигм может иметь место и в языках агглютинативного строя; установленные в исследовании тождества свидетельствуют об универсальности классификационных построений в области производной лексики.

Доказано, что словообразовательное гнездо представляет собой точку пересечения и зону взаимопроникновения двух уровней языка – лексического и словообразовательного. Связь словообразовательных гнезд с другими элементами лексико-семантической системы обусловлена принадлежностью их исходных слов к какому-либо классу номинативных единиц – лексико-семантическим, лексико-грамматическим или

тематическим группам, что обеспечивает вхождение данных образований в парадигматическое пространство языка.

Выявленные в работе факты межъязыковой структурно-семантической диспропорции в сфере комплексных единиц словообразования объясняются и специфическим характером процессов номинации окружающей действительности. Актуальность для языкового сознания тех или иных понятий, сходства и различия в их лексикализации, национально-специфический компонент лексического и словообразовательного значений являются причиной асимметрии словообразовательных структур русского и татарского языков.

Сопоставительное изучение словообразовательных систем разноструктурных языков, и в частности комплексных единиц словообразования, дает возможность выявить основные типы межъязыковых соответствий с точки зрения мотивированности и немотивированности языкового знака и его дальнейшего развития, а также установить сходства и различия в способах представления в языке объективной действительности, что свидетельствует, с одной стороны, об универсальном характере человеческих ценностей, а с другой - о специфике языковой картины мира в сознании носителей языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора.

1. *Фатхутдинова В.Г.* Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках / В.Г.Фатхутдинова - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 250 с. (17, 26 п.л.)
2. *Фатхутдинова В.Г.* Национально-специфические особенности семантической категоризации в разноструктурных языках / В.Г.Фатхутдинова // Языковые контакты и литературные связи: материалы науч.-практ. конф. – Баку, 1990. – С. 82 – 84. (0,2 п.л.)
3. *Фатхутдинова В.Г.* В.А.Богородицкий и типологическое изучение словообразовательных категорий / В.Г.Фатхутдинова // Литература и язык в контексте культуры и общественной жизни: материалы междунар. конф. – Казань, 1992. – С.147 – 148. (0,2 п.л.)
4. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательные категории как элемент моделирования среднетюркского языка / В.Г.Фатхутдинова // Проблемы создания среднетюркского языка Ортатюрк: материалы междунар. конф. – Ташкент, 1993. – С. 112 – 115. (0,3 п.л.)
5. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательная пара как минимальная единица словообразовательного гнезда в русском и татарском языках / В.Г.Фатхутдинова // Языковая семантика и образ мира: тезисы междунар. конф. - Казань, 1997. – С .70 – 72. (0,2 п.л.)
6. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательные средства выражения противоположности в русском и татарском языках / В.Г.Фатхутдинова

- // Проблемы функционирования, диалектологии и истории языка. – Казань: Фикер, 1998. – С. 121 – 125. (0,3 п.л.)
7. *Фатхутдинова В.Г.* Социокультурные аспекты сопоставительного словообразования / В.Г.Фатхутдинова // Язык и социум: материалы междунар. конф. - Минск: Изд-во БГУ, 2000. – С. 113 – 114. (0,1 п.л.)
  8. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательные микрогнезда в русском и татарском языках / В.Г.Фатхутдинова // Актуальные проблемы преподавания филологии в школе и в вузе: тезисы Всероссийской конф. – Казань: КГПУ, 2000. – С. 90 – 93. (0,2 п.л.)
  9. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательное гнездо как лексическая микросистема в русском и татарском языках / В.Г.Фатхутдинова // Русский язык: исторические судьбы и современность: Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13 – 16 марта 2001 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.197 – 198. (0,25 п.л.)
  10. *Фатхутдинова В.Г.* Комплексные единицы словообразования в практике преподавания русского языка в иноязычной аудитории / В.Г.Фатхутдинова // Русский язык как иностранный: специфика изучения, теория и практика преподавания в России и за рубежом: тезисы докладов междунар. конф. - М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 320 – 322. (0,25 п.л.)
  11. *Фатхутдинова В.Г.* Основные задачи сопоставительного изучения словообразовательных парадигм неродственных языков / В.Г.Фатхутдинова // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: труды и материалы междунар. науч. конф. – Казань: Изд-во Казан-го ун-та, 2001. – Т.2.- С. 89 – 90. (0,2 п.л.)
  12. *Фатхутдинова В.Г.* Сопоставительный аспект изучения словообразовательной номинации в русском и татарском языках / В.Г.Фатхутдинова // Язык и этнос. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С. 85 – 93. (0,7 п.л.)
  13. *Фатхутдинова В.Г.* Основные аспекты сопоставительного изучения словообразовательных гнезд в русском и испанском языках / В.Г.Фатхутдинова // Traductología y lingüística aplicada (YI Jornadas hispano-rusas de traducción e interpretación). – Granada: Universidad de Granada, 2002. – С.227 – 232. (0,5 п.л.)
  14. *Фатхутдинова В.Г.* К проблеме сопоставительного анализа глагольных словообразовательных гнезд / В.Г.Фатхутдинова // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С. 132-133. (0,2 п.л.)
  15. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательное гнездо и его составляющие на уроках русского языка в национальной школе / В.Г.Фатхутдинова // Предложение и слово: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. - С.823-827. (0,5 п.л.)

16. *Фатхутдинова В.Г.* Сопоставительное изучение словообразовательной номинации в испанском и русском языках / В.Г.Фатхутдинова // *España y el mundo eslavo: relaciones culturales, literarias y lingüísticas. Las actas del congreso internacional. Universidad Complutense de Madrid. - Madrid: GRAM Ediciones, 2002. - С. 613 – 618. (0,4 п.л.)*
17. *Фатхутдинова В.Г.* Сопоставительная грамматика русского и родного языков в аспекте новых парадигм лингвистического знания / В.Г.Фатхутдинова // *Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. В 4-х т. Том III. Лингвометодические основы обучения русскому языку как иностранному. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 325 – 327. (0,3 п.л.)*
18. *Фатхутдинова В.Г.* Функциональные номинации в рамках словообразовательного гнезда / В.Г.Фатхутдинова // *Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации: сб. научн. докл. X междунар. конф. по функциональной лингвистике. – Ялта: Доля, 2003. - С. 338 - 340. (0,4 п.л.)*
19. *Фатхутдинова В.Г.* О принципе сопоставимости комплексных единиц словообразования разнотипных языков / В.Г.Фатхутдинова // *Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект / Казан.гос.ун-т; филол.фак-т. – Казань, 2003. – С.172 - 178. (0,6 п.л.)*
20. *Фатхутдинова В.Г.* Лингвистические основы сопоставительного анализа отглагольных словообразовательных гнезд в русском и татарском языках / В.Г.Фатхутдинова // *Сопоставительная филология и полилингвизм: сб. науч. тр. – Казань: Казан.гос.ун-т, 2003. – С. 147-155. (0,8 п.л.)*
21. *Фатхутдинова В.Г.* К вопросу об основных единицах двух подсистем словообразования / В.Г.Фатхутдинова // *II международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: труды и материалы: В 2 т. - Казань: Казан.гос.ун-т, 2003. – Т.1. – С. 104-106. (0,2 п.л.)*
22. *Фатхутдинова В.Г.* К проблеме основной единицы синхронного и сопоставительного словообразования / В.Г.Фатхутдинова // *Cuadernos de rusística española: cuestiones actuales de la lengua rusa. – № 1. – Granada: Universidad de Granada, 2004. – С. 159 – 166. (0,6 п.л.)*
23. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательная цепочка как объект сопоставительного анализа (на материале русского и татарского языков) / В.Г.Фатхутдинова // *Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 461 – 462. (0,25 п.л.)*

24. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательное гнездо как объект сопоставительного исследования (на материале русского и испанского языков) / В.Г.Фатхутдинова // *Język rosyjski w konfrontacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym.* – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2004. – С.141- 148. (0,6 п.л.)
25. *Фатхутдинова В.Г.* Внутренняя форма производного слова как средство познания ментального содержания / В.Г.Фатхутдинова // *Гуманистическая роль языка и литературы на современном этапе (материалы науч.-практ. конф., 4-5 мая 2004г.).* – Бухара: Бухарский гос.ун-т, 2004. – С. 224 – 225. (0,2 п.л.)
26. *Фатхутдинова В.Г.* Межъязыковая асимметрия внутренней формы производных слов / В.Г.Фатхутдинова // *111 Jornadas Andaluzas de Eslavística.* - Granada: Jizo Ediciones, 2004. – С. 61- 62. (0,1 п.л.)
27. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательная детерминация понятий «хороший / плохой» в русском и татарском языках / В.Г.Фатхутдинова // *Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект.* – Казань: Казан.гос.ун-т, 2004. – С. 244-250. (0,6 п.л.)
28. *Фатхутдинова В.Г.* Структурная асимметрия словообразовательных цепочек русского и татарского языков / В.Г.Фатхутдинова // *Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 года): труды и материалы.* – Казань: Казан.гос.ун-т, 2004. – С. 37-38. (0,2 п.л.)
29. *Фатхутдинова В.Г.* Роль и место словообразовательного гнезда в системной организации лексики / В.Г.Фатхутдинова // *Актуальные проблемы русского языка. Материалы региональной конф., посвященной 70-летию ЧПГУ.* – Челябинск: Юж.- Урал. книж. изд-во, 2005.- С.501 - 504. (0,3 п.л.)
30. *Фатхутдинова В.Г.* К проблеме семантической идентичности одно-коренных слов разных языков / В.Г.Фатхутдинова // *Русский язык как иностранный и методика его преподавания. XXI век: материалы науч.-практ. конф.* – М.: Изд-во МПГУ, 2005.- С.94-97. (0,25).
31. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательное гнездо как источник концептуальной информации / В.Г.Фатхутдинова // *V Степановские чтения. Язык в современном мире. На материале романо-германских и восточных языков: материалы докладов и сообщений междунар. конф.* - М.: Изд-во РУДН, 2005. – С. 223-225. (0,25 п.л.)
32. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательная парадигма как единица сопоставительного описания разносистемных языков / В.Г.Фатхутдинова // *Język a rzeczywistość. Rusycystyczne studia konfrontatywne.*- Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2005. – С. 22 - 31. (0,8 п.л.)

33. *Фатхутдинова В.Г.* Семантическая структура словообразовательных гнезд параметрических прилагательных / В.Г.Фатхутдинова // Актуальные вопросы филологии. – Чебоксары: Чуваш. гос.ун-т, 2005. – С. 57 - 60. (0,3 п.л.)
34. *Фатхутдинова В.Г.* Отадъективная деривация в русском языке (ономасиологический аспект) / В.Г.Фатхутдинова // Русский язык: уровни и аспекты изучения: VIII Международные Виноградовские чтения: сб. докладов. – М.: МГПУ, 2005. – С. 56 – 63. (0,5 п.л.)
35. *Фатхутдинова В.Г.* Названия времен года в словообразовательной детерминации (на материале русского, татарского и испанского языков) / В.Г.Фатхутдинова // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы II Всероссийской конф. – Казань: Школа, 2005. – С. 243 – 245. (0,25 п.л.)
36. *Фатхутдинова В.Г.* Внутрисубстантивная деривация в русском и татарском языках / В.Г.Фатхутдинова // Русская и сопоставительная филология 2005. - Казань: Казан.гос.ун-т, 2005. – С.137-143. (0,6 п.л.)
37. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательное гнездо в ментально-культурном языковом контексте // Русская словесность. - № 3. - 2006. – С. 36 – 41. (0,5 п.л.)
38. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательная пара в сопоставительном аспекте / В.Г.Фатхутдинова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2006. - № 4. – С. 94-100. (0,7 п.л.)
39. *Фатхутдинова В.Г.* Специфика номинативной деривации русского и татарского языков / В.Г.Фатхутдинова // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2006. - № 5. – С.241-246. (0,3 п.л.)